



Александр Баженов

**Бажаник.
Наследница
пепельной зари.
Часть 4**

Александр Баженов

**Бажаник. Наследница
пепельной зари. Часть 4**

«Автор»

2026

Баженов А. Н.

Бажаник. Наследница пепельной зари. Часть 4 / А. Н. Баженов — «Автор», 2026

Мира и Вельмир уходят в Дерево, открыв Сад за корнями — параллельный мир вечной молодости. Заря и её сын Яросвет получают свободный проход туда, но каждый вход забирает воспоминание. Мира и Вельмир, вновь молодые, становятся хранителями Сада, помогая потомкам. Заря учится быть Мостом: она исцеляет старика, потерявшего сына, тень, желавшую мести, и культ Вечной Молодости. Яросвет становится голосом Сада, Лада — хранительницей памяти, Ярополк — стражем. Сад переживает ранение ножом, но исцеляется. Тени получают прощение и становятся хранителями. Из Сада выходят духи Света, побеждают тьму в новом мире и приносят ключ от всех миров. Герои возвращаются домой с орденами, ресурсами и новыми союзниками. Сад больше не требует жертв — он награждает. Но из портала выходит новый гость, чей мир болен, и путь продолжается.

Содержание

Глава 1: «Кровь на снегу»	6
Глава 2. «Сад, который помнит»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Бажаник. Наследница
пепельной зари. Часть 4**
ЧАСТЬ 4: «САД ЗА КОРНЯМИ»

Глава 1: «Кровь на снегу»

Эпизод 1.1: «Враг приходит в полночный час»

«Враг не всегда приходит с мечом. Иногда он приходит с правдой, в которую ты не хочешь верить.»

Полночь была чёрной, как смола. Снег падал медленно, крупными хлопьями, в этой темноте мир сузился до ворот, до скрипа створок, до дыхания, которое вырывалось белым паром и тут же исчезало.

Ратко не спал. Он никогда не спал в полнолуние — с тех пор, как мать умерла. Кошмары приходили каждую ночь, но в полнолуние были особенно упрямыми: мать стояла у постели, касалась лба холодными пальцами и говорила: «Не открывай». Что не открывать — она не уточняла. Ратко просыпался в поту и шёл к окну. Смотрел на Дерево. Дерево светилось ровно, тепло, как сердце, которое бьётся во сне.

В эту ночь Дерево не светилось.

Ратко заметил это сразу — как замечают, что в комнате стало холодно. Он протёр глаза. Дерево стояло тёмное, молчаливое, в его тени, у самых ворот, шевелились огни. Факелы. Много факелов. Ратко замер. Потом побежал.

Он не кричал. Кричать было нельзя — он знал это каким-то древним, животным знанием. Он бежал по Мосткам, скользя по снегу, в голове билась одна мысль: «Они пришли. Они пришли за нами».

Заря проснулась от того, что кто-то тряс её за плечо. Маленькие руки. Ратко. Его лицо было белым, как снег за окном.

— Там огни, — прошептал он. — У ворот. Много.

Заря села. Не спросила «кто». Не спросила «сколько». Она уже знала. Она чувствовала это последние три дня — как тяжесть в груди, как зуд под кожей. Дерево предупреждало её. Она слушала.

Она встала. Надела тулуп — длинный, овчинный, подбитый мехом изнутри, с широкими рукавами, перехваченными у запястий кожаными ремешками. Тулуп был старый, отцовский, с потёртыми локтями и зашитым подолом. Когда Заря накинула его на плечи, полы запахнулись, снег, залетевший в сени, тут же растаял на тёплой овчине. Поверх накинула платок — тёмно-синий, шерстяной, с вышитыми по краю красными петухами. Петухи были символом Моста. На ноги — валенки, подшитые кожей. За пояс — ничего. Только семечко.

Семечко лежало в кармане тулупа — маленькое, тёмно-коричневое, с тонкой золотой прожилкой. Оно было тёплым, как живое. Оно пахло лавандой — так пахла Мира. Так пахло её детство. Это семечко Мира оставила ей в тот день, когда уходила в Сад Дерева. «Посади его, когда будет трудно. Не раньше. Ты поймёшь, когда». Заря не посадила его. Не потому, что не было трудно. Потому что не понимала — когда. Но она всегда носила его с собой. Как оберег. Как напоминание. Как обещание.

Когда Заря вышла во двор, семечко в её кулаке вдруг нагрелось. Сильнее, чем обычно. Как будто отзывалось на что-то. Заря остановилась. Прислушалась. Но вокруг была только тишина — и снег, далёкие огни факелов.

Мира уже стояла у дверей. Она не спала — она никогда не спала, когда Дерево меняло свет. На ней была длинная рубаха до пят — льняная, белая, с вышивкой по вороту и подолу. Красные нити складывались в узор «дерево жизни» — корни, ствол, ветви. Поверх рубахи — жилет, тёмно-зелёный, суконный, с серебряными пуговицами. Пуговицы были не простые — каждая с крошечным глазом, вырезанным из камня. Глаза смотрели в разные стороны. На ногах — тёплые чулки и кожаные поршни. Волосы заплетены в косу — длинную, до пояса, — и перехвачены красной лентой. Как кровь. Как жизнь.

Вельмир стоял рядом. Он был в рубахе — тёмно-серой, домотканой, с косым воротом, застёгнутым на медную пуговицу. Поверх — кожушок, короткий, без рукавов, с завязками на боку. Кожушок был старый, потёртый, с царапинами от мечей. На поясе — меч. Не обнажён. Но рука лежала на рукояти. На ногах — сапоги, высокие, кожаные, с подкованными каблуками. Тяжёлые. Такие не для бега. Такие для боя. Волосы коротко острижены. На щеке — шрам. Старый. Заживший.

— Я пойду, — сказала Заря.

— Нет, — сказала Мира.

— Это не тебе решать.

Мира шагнула вперёд. Её лицо было спокойным, но глаза — нет. В них был страх. Настоящий, не показной.

— Ты не знаешь, кто там.

— Знаю. — Заря посмотрела на Дерево. Оно стояло тёмное, в этой темноте было что-то голодное. — Это он. Тот, о ком говорили разведчики. Святозар.

Вельмир выдохнул. Медленно. Как будто выпускал из лёгких что-то тяжёлое.

— Тогда я иду с тобой.

— Нет. — Заря покачала головой. — Он пришёл не за тобой. Он пришёл за мной. Если я приду с мечом, он поймёт, что я боюсь. Если я приду одна — он поймёт, что я слушаю.

Мира закрыла глаза. На секунду. Потом открыла и сказала:

— Я буду у ворот. За стеной. Если что-то пойдёт не так — я войду.

Заря кивнула. Не спорила. Она знала, что Мира не послушает. Знала, что Вельмир уже будит стражу. Знала, что Ратко стоит за спиной и смотрит на неё так, будто пытается запомнить.

Она вышла во двор. Снег падал на лицо, холодный, чистый. Дерево стояло тёмное. У ворот горели факелы.

Заря подошла к створке. Приоткрыла её. Ровно настолько, чтобы увидеть лицо. И чтобы её лицо увидели.

Он стоял в десяти шагах. Молодой. Не старше тридцати. Светлые волосы, перехваченные ремешком. Шрам на щеке — старый, заживший. Глаза — серые, усталые. Не злые. Просто усталые. Как у человека, который давно не спал.

Одет он был не как завоеватель. На нём была рубаха — простая, льняная, серо-белая, без вышивки. Поверх — плащ. Тяжёлый, шерстяной, тёмно-синий, с серебряной застёжкой на правом плече. Застёжка была в виде волка — голова, оскаленная пасть, глаза из чёрного камня. Плащ был длинный, до земли, с широким воротом, подбитым мехом. Когда Святозар шагнул вперёд, плащ качнулся, с него посыпался снег — мокрый, тяжёлый. Запахло мокрой шерстью. На ногах — сапоги, высокие, с ремнями, перехваченными у щиколоток. Сапоги были не новые — с потёртостями, с царапинами. Такие сапоги не для парада. Такие сапоги для долгой дороги.

На поясе — меч. Длинный, прямой, в кожаных ножнах, с серебряной насечкой на рукояти. Рука не лежала на рукояти. Просто висела вдоль тела. Открытая. Пустая. Как будто он показывал: «Я не буду первым».

За ним — войско. Не огромное. Сотни две. Может, три. Но достаточно, чтобы взять город, если город не будет готов. Люди стояли тихо, не двигались, не кричали. Они ждали.

Одеты они были в белое. Не в снежно-белое — в серо-белое, цвет пепла. Рубахи, штаны, плащи — всё одного цвета. Как будто они вышли из тумана. Или как будто они и были туманом. На головах — капюшоны. Некоторые надвинуты на глаза. Некоторые откинута. Лица разные: молодые, старые, бородатые, гладкие. Но глаза у всех одинаковые. Усталые. Ждущие. Как у Святозара.

У некоторых в руках были факелы. У некоторых — копья. Но копья не были направлены вперёд. Они стояли вертикально, как посохи. Как будто войско не готовилось к бою. Как будто оно готовилось к разговору.

На рукавах у всех — у Святозара, у воинов, у тех, кто стоял в первых рядах, — была вышита тонкая синяя нить. Одна и та же. От запястья до локтя. Как траурная лента. Как знак. Как память.

Святозар сделал шаг вперёд. Один. Не угрожающий. Просто шаг. Плащ качнулся. Снег посыпался с плеч.

— Ты — Заря, — сказал он. Не спросил. Утверждал.

— Да.

— Я — Святозар.

— Я знаю.

Пауза. Снег падал между ними. Факелы трещали. Где-то за спиной Заря услышала, как скрипнула дверь — Мира выходила. Она не обернулась.

— Ты пришёл за даром вечности, — сказала Заря.

— Нет. — Святозар покачал головой. — Я пришёл за правдой.

— Какой?

Он помолчал. Потом заговорил. Голос был ровный, без злобы. Но в нём была боль — старая, застарелая, как рана, которую так и не промыли.

— У меня была сестра. Младшая. На два года. Её звали Весна. Она заболела — хворь была простая, её успешно вылечили бы в любом городе. Но целительница выбрала другого лекаря. Сказала: «Этот важнее». Весна умерла через три дня. Мне сказали: «Так решил Мост». — Он посмотрел на Зарю. — Ты решила?

Заря не отвела взгляда. Не потому, что не было стыдно. Потому что стыд был бесполезен.

— Я никого не выбирала, — сказала она. — Я просто была рядом.

— Рядом — это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Святозар усмехнулся. Горько. Без веселья.

— Я так и думал. — Он сделал ещё шаг. Теперь между ними было пять шагов. — Ты не злодейка. Ты просто... Мост. По которому идут все. Но Мост не спрашивает, кто идёт. И не спрашивает, кто упал.

— Спрашивает, — сказала Заря. — Просто не всегда успевает получить ответ.

Он молчал. Долго. Снег падал ему на плечи, на волосы, на шрам. Он не стряхивал.

— Я не хочу воевать, — сказал он наконец. — Я хочу понять. Почему ты выбрала их, а не нас?

— Я никого не выбирала, — повторила Заря. — Я была рядом. И ты можешь быть рядом.

— Я не верю в «рядом». — Его голос стал жёстче. — Я верю в «равно». Все равны. Или никто.

Заря почувствовала, как семечко в её кулаке пульсирует. Тук. Тук. Тук. Как второе сердце. Оно нагрелось ещё сильнее — почти обжигало. Заря разжала кулак. Посмотрела на него. Потом на Святозара.

— Хочешь правду? — спросила она. — Настоящую?

— Да.

— Тогда отпусти их. — Она кивнула на войско. — Пусть отойдут на сто шагов. И войди один. Я покажу тебе Дерево. Не как врагу. Как гостю.

Святозар молчал. Снег падал. Факелы трещали. За спиной Заря слышала, как Вельмир тихо сказал: «Не смей». Она не обернулась.

— Почему я должен тебе верить? — спросил Святозар.

— Потому что я вышла к тебе одна. Без оружия. Без свиты.

Заря сделала шаг вперёд. Теперь между ними было четыре шага.

— Ты можешь убить меня прямо сейчас. Но ты не убил. Значит, ты хочешь не смерти. Ты хочешь ответа. Я дам тебе ответ.

Он смотрел на неё долго. Слишком долго. Потом поднял руку. Войско замерло. Он сделал знак — медленный, усталый. Люди начали отходить. Неохотно. Но отходили. Их плащи шуршали по снегу. Мокрая шерсть пахла тяжёло, дымно.

Святозар шагнул вперёд. Один. Теперь между ними было три шага.

— Я войду, — сказал он. — Но не как гость. Как свидетель. Я хочу увидеть, что ты прячешь за стеной.

— Я ничего не прячу, — сказала Заря. — Я просто не всё показываю.

Он усмехнулся. Впервые — почти по-настоящему.

— Это честно.

Он шагнул к воротам. Заря отступила, пропуская его. Снег падал между ними. Вельмир стоял у стены, рука на рукояти, глаза — как лёд. Мира стояла чуть позади, бледная, но спокойная. Ратко выглядывал из-за её спины. В его руке был факел — маленький, самодельный, с обмотанной тряпкой рукоятью. Он держал его так, как держат оружие. Как будто факел мог защитить.

Святозар прошёл мимо них. Не посмотрел. Не оскорбил. Просто прошёл. Но у самых ворот он остановился. Посмотрел на Ратко. Долго. Мальчик не отвёл взгляда. Не испугался.

— Ты — ребёнок, который не спит, — сказал Святозар. Не спросил. Утверждал. — Почему?

Ратко молчал. Снег падал на его лицо. Таял. Стекал каплями.

— Потому что я боюсь, — сказал он наконец. — Но не тебя. Я боюсь, что мама не придёт.

Святозар снова посмотрел на него. Потом сказал:

— Я тоже боюсь. Но не тьмы. Я боюсь, что сестра не придёт. — Он помолчал. — Что она не придёт. Никогда.

Он отвернулся и пошёл дальше. Ратко смотрел ему вслед. Факел дрожал в его руке. Но мальчик не плакал.

Заря шла рядом со Святозаром. Молчала. Семечко в её кулаке пульсировало.

У Дерева Святозар остановился. Посмотрел вверх. Молча.

— Оно тёмное, — сказал он.

— Оно ждёт, — сказала Заря.

— Чего?

— Тебя.

Он обернулся. В его глазах было что-то новое. Не страх. Не злость. Что-то среднее — как будто он впервые за долгое время увидел не врага, а человека.

— Я не верю тебе, — сказал он.

— Я знаю, — сказала Заря. — Но ты уже здесь.

Он отвернулся. Посмотрел на Дерево. Потом на снег у своих ног. Потом — снова на Зарю.

— Я уйду, — сказал он. — Но вернусь. Через три дня. Дай мне ответ. Настоящий. Не «рядом». Не «Мост». Ответ.

Он повернулся и пошёл к воротам. Не оглядываясь. Войско ждало его за стеной. Снег падал ему на плечи. Факелы трещали. Плащ волочился по снегу, оставляя тёмный след.

Заря стояла у Дерева. Смотрела ему вслед. Семечко в её кулаке пульсировало.

Он не обернулся. Но у самых ворот остановился. Достал из кармана что-то маленькое, белое. Положил на снег. И ушёл.

Заря подошла. Наклонилась. Подняла.

Это был платок. Тонкий, вышитый по краю синими нитками. В углу — инициалы: «В». Весна. Платок был окровавлен. Старая кровь, бурая, вьёвшаяся в ткань. И пахла дымом. И лавандой.

Заря сжала платок в кулаке. Семечко в другом кулаке пульсировало.

Она посмотрела на снег у своих ног. На том месте, где лежал платок, остался красный след. Кровь на снегу. Как знак. Как обещание. Как начало.

Она посмотрела на Дерево. Оно стояло тёмное. Но где-то в глубине корней что-то дрогнуло. Как будто Дерево проснулось. Как будто оно услышало. И от корней шёл слабый запах лаванды — тот же, что от платка. Тот же, что от семечка. Тот же, что от Сада.

Мира подошла сзади. Тихо. Положила руку на плечо.

— Что это? — спросила она.

Заря разжала кулак. Платок лежал на её ладони — белый, с синей вышивкой, с бурой кровью. И с засохшим лепестком лаванды, прилипшим к ткани. Маленьким. Синим. Как будто его сорвали там. В Саду.

— Это его сестра, — сказала Заря. — Он принёс её с собой. И что-то ещё. Что-то, что он видел. Но не понял.

Мира помолчала. Потом сказала:

— Он вернётся.

— Да, — сказала Заря. — Но не как враг.

Она посмотрела на платок. Потом на Дерево. Потом на снег, который падал между ними — медленно, тихо, как будто мир затаил дыхание.

— Он вернётся как свидетель, — сказала она. — И тогда мы узнаем, кто мы на самом деле.

Полночь прошла. Снег продолжал падать. Войско Святозара отошло за горизонт, но его платок остался — окровавленный, пахнувший дымом и лавандой. Заря стояла у Дерева и смотрела на красный след на снегу. Семечко в её кулаке пульсировало. Дерево молчало, но от корней шёл слабый запах лаванды. Как будто оно проснулось. Как будто оно услышало. И это было только начало.

В полночь войско Святозара подходит к городу Мост. Ратко, не спящий из-за кошмаров, замечает огни и будит Зарю. Заря выходит к воротам одна — без оружия, с семечком Мира в кармане, которое нагревается в присутствии Святозара. Святозар говорит о сестре Весне, умершей без исцеления, о несправедливости Моста. Заря отвечает, что никого не выбирала, предлагает ему вернуться как свидетелю. Святозар соглашается, требует ответа через три дня. Уходя, он оставляет окровавленный платок сестры с засохшим лепестком лаванды. Заря понимает: он вернётся не как враг, а как свидетель. От Дерева идёт слабый запах лаванды — знак того, что Сад проснулся.

Эпизод 1.2: «Ребёнок, открывший ворота ночью»

«Предательство — не всегда обида. Иногда — это отчаяние, которое не знает, куда идти.»

Мирон проснулся за час до рассвета. Не от кошмара — от голоса. Кто-то стоял под окном и говорил тихо, но настойчиво. Мальчик не разобрал слов, только звук — мягкий, вкрадчивый, как шелест снега по стеклу. Он встал, подошёл к окну, выглянул.

За окном никого не было. Только снег. И тень у ворот.

Мирон знал, что делает что-то не то. Но он также знал, что мама умерла три месяца назад — от хвори, которая началась с кашля и закончилась тишиной. Он помнил её руки — тёплые, шершавые от работы. Помнил, как она говорила: «Не открывай, Мирон. Что бы ни случилось — не открывай. Даже если я позову».

Но она также говорила: «Я всегда буду рядом».

Он хотел, чтобы она была рядом. Хоть как-нибудь. Хоть во сне. Хоть в тени.

Голос под окном сказал:

— Варвара ждёт тебя. У Дерева. Открой ворота — и увидишь.

Мирон замер. Варвара. Имя матери. Никто в городе не называл её так — только он. Только она. Это было их маленькое имя, их тайна. Голос знал. Голос был от неё. Или голос был ею.

Мирон накинул тулуп — короткий, не по росту, с чужого плеча, — сунул ноги в валенки. В кармане он сжимал пуговицу от маминого платья. Перламутровую, гладкую, тёплую от его ладони. Он носил её с похорон. Как оберег. Как память. Как обещание.

Он выскользнул из дома.

Снег был холодный. Ветер бил в лицо. Мирон добежал до ворот, задыхаясь. Засов был тяжёлый — он видел, как стражники поднимают его каждое утро. Но сейчас стражников не было. Только тень за воротами. И голос:

— Смелее. Она ждёт.

Мирон навалился на засов. Тот поддался — медленно, со скрипом, который показался мальчику оглушительным. Створка приоткрылась. В щель просунулась рука — в перчатке, с длинными пальцами. Рука поманила его.

— Иди сюда. Она рядом.

Мирон шагнул за ворота. И замер.

За воротами стояли люди. Много. С факелами. С оружием. Но они не двигались. Не входили. Стояли стеной — тихо, неподвижно, как изваяния. А в центре — высокий мужчина со шрамом на щеке. Он смотрел на Мирона без злобы. Почти с жалостью.

— Ты сделал то, что не смогли взрослые, — сказал он. — Ты открыл дверь.

Мирон попятился. Но мужчина поднял руку — медленно, устало. Знак. Люди за его спиной замерли. Не двинулись с места. Не вошли в город.

— Я войду один, — сказал мужчина. — Остальные останутся здесь.

Он шагнул вперёд. Один. Без оружия. Без свиты. Прошёл мимо Мирона. Не коснулся. Не посмотрел. И вошёл в город — как человек, который привык, что на него смотрят с ненавистью.

Мирон остался стоять в снегу. Пуговица в его кармане пульсировала. Как второе сердце. Как мамин голос. Как обещание.

Мира нашла его через десять минут. Он сидел у ворот, сжавшись в комок, плакал. Беззвучно. Плечи дрожали. Снег падал на его непокрытую голову.

Она опустилась рядом. Не сказала ни слова. Просто обняла. Крепко. Так, как обнимала Зарю, когда та была маленькой. Мирон вздрогнул. Попытался отстраниться.

— Я не хотел, — прошептал он. — Он сказал, что мама ждёт. Он назвал её имя. Он сказал: «Варвара ждёт». Я не мог... я не мог не открыть.

— Я знаю, — сказала Мира.

— Я не хотел...

— Я знаю.

Она держала его. Снег падал на них обоих. Где-то за спиной слышались шаги — люди бежали к воротам, кричали, требовали объяснений. Мира не оборачивалась.

Подошёл Вельмир. Меч в ножнах. Лицо — каменное. Он посмотрел на мальчика. Потом на Миру.

— Люди требуют наказания, — сказал он тихо.

— Кто именно?

— Старейшина. Говорит, что ребёнок — предатель. Говорит, что нужно показать пример.

Мира встала. Мирон остался сидеть в снегу, сжавшись. Она посмотрела на мужа.

— Приведи старейшину. И всех, кто требует.

Вельмир кивнул. Ушёл.

Через полчаса у ворот собралась толпа. Люди кричали. Кто-то требовал наказать мальчика. Кто-то — изгнать его. Кто-то — просто кричал, потому что боялся. Старейшина — седой, с жёстким лицом — стоял впереди и говорил громко, чтобы слышали все:

— Ребёнок открыл ворота врагу! Он предал город! Он должен быть наказан!

Мира вышла вперёд. Встала между толпой и мальчиком. Не повысила голос. Просто сказала:

— Он открыл ворота, потому что мы не открыли ему правду.

Толпа замолчала. Старейшина нахмурился.

— Что?

— Его мать умерла три месяца назад, — сказала Мира.

— Он остался один. Мы не сказали ему, что смерть — это не конец. Мы не сказали ему, что мать всегда рядом. Мы не научили его слушать тишину.

Она посмотрела на старейшину.

— Мы сказали ему: «Твоя мать умерла. Смирись». А он не смирился. Потому что мы не дали ему ничего, кроме пустоты.

Толпа молчала. Старейшина открыл рот, чтобы возразить, но Мира не дала ему.

— Он не предатель. Он ребёнок, который хотел вернуть мать. — Она повернулась к толпе. — Если вы накажете его, вы накажете всех детей, которые потеряли родителей. Вы накажете меня. Потому что я тоже потеряла мать. И я тоже хотела открыть ворота. Тогда, когда мне было столько же лет, сколько ему.

Тишина стала густой, как снег. Люди переглядывались. Кто-то опустил глаза. Кто-то отвернулся.

Старейшина шагнул вперёд.

— Ты защищаешь предателя.

— Я защищаю ребёнка, — сказала Мира. — И я не позволю превратить его в козла отпущения за наш страх.

Она повернулась к Мирону. Протянула руку.

— Идём. Ты замёрз.

Мальчик посмотрел на неё. В его глазах было что-то новое. Не страх. Не вина. Что-то среднее — как будто он впервые за долгое время увидел не судью, а человека.

Он взял её за руку. Она повела его к дому.

Святозар вошёл в город один. Его люди остались за стенами — не по приказу, а потому что он так сказал. «Я иду как свидетель. Не как завоеватель». Они стояли стеной у ворот — тихие, неподвижные, с факелами и копьями, направленными в небо. Никто не входил. Никто не грабил. Никто не кричал.

Мира встретила его у Дерева. Она стояла одна. Вельмир был рядом — в десяти шагах, рука на рукояти меча, но меч не обнажён. Заря стояла позади, у корней, дышала с Деревом. Медленно. Ровно. Чтобы оно не испугалось.

Святозар остановился в пяти шагах от Миры. Посмотрел на неё. Потом на Дерево. Долго. Молча.

— Я не завоеватель, — сказал он наконец. — Я свидетель.

— Я знаю, — сказала Мира.

— Ты не боишься меня.

— Боюсь. Но не тебя. — Она кивнула на Дерево. — Его.

Святозар посмотрел на Дерево. Оно стояло тёмное. Молчаливое. Как будто спало. От корней шёл слабый запах лаванды — едва уловимый, тёплый, живой.

— Оно не отвечает, — сказал он.

— Оно ждёт, — сказала Мира.

— Чего?

— Тебя.

Он усмехнулся. Горько.

— Я не верю в ожидание. Я верю в действие.

— Тогда действуй. — Мира сделала шаг в сторону, освобождая путь.

— Коснись его. Оно покажет тебе правду.

Святозар посмотрел на неё. Потом на Вельмира. Потом на Зарю. Потом снова на Дерево.

— Это ловушка?

— Нет, — сказала Мира. — Это выбор.

Он шагнул вперёд. Медленно. Осторожно. Как человек, который привык, что каждый шаг может быть последним. Вельмир напрягся. Заря перестала дышать. Мира стояла неподвижно.

Святозар подошёл к Дереву. Остановился. Посмотрел на кору — тёмную, шершавую, живую. Протянул руку. Коснулся.

Дерево не ответило.

Святозар стоял. Ждал. Ничего. Тишина. Он обернулся. Посмотрел на Миру. На Зарю. На Вельмира.

— Оно молчит, — сказал он.

— Да, — сказала Мира.

— Почему?

Она не успела ответить. Из-за её спины вышел Мирон. Мальчик, которого она только что привела. Он стоял в снегу, босиком — валенки остались у ворот, — и смотрел на Дерево. Потом на Святозара.

— Оно боится, — сказал он тихо.

Все обернулись. Святозар нахмурился.

— Что?

— Оно боится тебя, — повторил Мирон. Он не плакал. Голос был ровный, странно спокойный для ребёнка.

— Оно боится, потому что ты принёс боль. Много боли. Оно не может её вынести.

Святозар отступил от Дерева. Один шаг. Потом ещё один. Его лицо изменилось — впервые за всё время. Что-то треснуло в нём. Что-то, что он держал под контролем долгие годы.

— Я не хотел, — сказал он.

— Я знаю, — сказала Мира. — Но боль не спрашивает, чего ты хотел.

Святозар посмотрел на Дерево. Потом на Мирона. Потом снова на Дерево. Молчал. Долго. Снег падал на его плечи, на шрам, на руки, которые больше не сжимались в кулаки. От корней шёл запах лаванды — сильнее, чем раньше. Мирон вдохнул. Глаза его расширились.

— Пахнет мамой, — сказал он.

Все замерли. Заря почувствовала, как семечко в её кармане нагревается — почти обжигает. Она посмотрела на Дерево. На трещину. На Мирона. И подумала: «Оно не боится. Оно предупреждает».

Святозар повернулся к воротам. Не оглядываясь. Люди расступались перед ним. Снег падал ему на плечи. Факелы трещали.

— Я вернусь, — сказал он. — Но не за ответом. За правдой.

Он ушёл. Ворота закрылись. Мирон стоял у Дерева. Смотрел ему вслед. Потом посмотрел на Миру.

— Он вернётся? — спросил мальчик.

— Да, — сказала Мира. — Но не как враг.

— А как?

Она опустила рядом с ним. Посмотрела в его глаза — тёмные, серьёзные, слишком взрослые для ребёнка.

— Как человек, который наконец услышал, — сказала она.

— А ты, Мирон, научил его слушать. Ты — маленький Мост.

Мальчик улыбнулся. Впервые за много дней. Слабо. Но по-настоящему.

Ворота закрылись. Святозар ушёл в снег, оставив город наедине с вопросами. Мирон стоял у Дерева и смотрел на кору — тёмную, шершавую, живую. Дерево молчало. Но от корней шёл слабый запах лаванды. И где-то в глубине что-то дрогнуло. Как будто оно проснулось. Как будто оно слышало.

Ночью ребёнок Мирон, сын умершей Варвары, открывает ворота, поверив голосу, назвавшему имя матери. Святозар входит в город один, приказав войску остаться за стенами. Мира защищает Мирона перед толпой, требующей расправы, признаётся, что сама в детстве хотела открыть ворота. У Дерева Святозар касается коры, но оно не отвечает. Мирон говорит, что Дерево боится боли, которую принёс Святозар. От корней идёт запах лаванды, Мирон говорит: «Пахнет мамой». Святозар уходит, обещая вернуться за правдой. Мира говорит Мирону, что он научил Святозара слушать и что он — маленький Мост.

Эпизод 1.3: «Дерево молчит, как мёртвое»

«Молчание — самый громкий ответ.»

Святозар вернулся на рассвете, один, без свиты и без оружия. Его люди остались за стенами, там же, где стояли ночью. Мира встретила его у Дерева, стоя одна в пяти шагах. Вельмир был рядом, рука на рукояти, но меч не обнажён. Заря стояла позади, у корней, дышала с Деревом медленно и ровно.

Святозар остановился и посмотрел на Миру долгим молчаливым взглядом.

— Я вернулся за правдой, — сказал он тихо, почти шёпотом.

— Я знаю, — ответила Мира, не отводя глаз.

— Оно ответит? — спросил он, кивнув на Дерево.

— Не знаю, — сказала она, — оно само решает, когда отвечать.

Святозар шагнул вперёд медленно и осторожно, как привыкший к опасности человек. Вельмир напрягся, Заря перестала дышать, Мира стояла неподвижно. Он подошёл к Дереву и коснулся коры шершавой ладонью. Дерево молчало секунду, две, три, он хотел уже отнять руку. Но в этот момент что-то изменилось не вокруг, а внутри него. Как будто кто-то открыл дверь в комнату, запертую много лет назад.

Он не увидел свет и не увидел вспышку. Просто снег исчез, стены исчезли, он оказался в маленькой тёмной комнате. Пахло травами и воском, на постели лежала девочка младше его на два года. Её звали Весна, она умирала, кашляя сухо и надрывно. Он знал этот момент, он был здесь тогда, в прошлой жизни. Целительница стояла рядом и качала головой, говоря, что время пришло. Святозар кричал и требовал, чтобы она сделала хоть что-нибудь. Потом пришёл другой целитель из города, с Моста. Он сказал, что может спасти только одного. И выбрал другого, сына старейшины, а Весна умерла через три дня. Святозар смотрел на это снова и видел то, чего не видел тогда. Он видел, как Весна смотрит на него с жалостью, а не с укором. Она знала, что он не может её спасти, прощала его. А потом он увидел другое — себя, отказывающегося от помощи. Как он говорил, что не нужен Мост и не нужен дар. Как он отвергал протянутую руку и выбирал гордость вместо спасения. Дерево показало ему не только его боль, но и его вину.

Святозар открыл глаза и обнаружил, что стоит на коленях в снегу. Он не помнил, как опустился и как закричал. Горло саднило, на ладонях была кровь от разодранной коры. Дерево молчало, но теперь это молчание было тяжёлым, как будто оно ждало. Заря сидела рядом и не касалась его, просто дышала ровно и тихо. Он чувствовал её дыхание как тёплый ветер, которое не успокаивало, но было важнее.

— Я видел её, — сказал он хриплым и чужим голосом.

— Она звала меня, а я не пошёл.

— Я знаю, — сказала Заря, не отводя взгляда.

— Ты не мог, — добавила она мягко, но твёрдо. Он повернулся к ней, в его глазах была не злость, а что-то среднее.

— Я мог, — сказал он, — я мог принять помощь и пойти к Мосту. Я мог, но не хотел быть слабым. Снег падал на его лицо, таял и смешивался со слезами. Заря не отвела взгляда и сказала без жалости, просто как факт.

— Ты не был слабым, ты был гордым, это разные вещи.

— А теперь? — спросил он тихо, почти беззвучно.

— Теперь ты сидишь в снегу и плачешь, это не слабость, а начало. Он посмотрел на Дерево, в его коре что-то дрогнуло, как будто оно вздохнуло.

— Оно меня не приняло, — сказал Святозар, глядя на тёмную кору.

— Оно тебя не отвергло, — возразила Заря, — оно показало тебе правду, это не то же самое.

Она встала и протянула ему руку, он взял её после долгого взгляда. Ладонь была тёплая и шершавая, как у его матери.

Заря повернулась к Дереву и положила ладонь на кору тихо, но твёрдо. — Ты не имеешь права судить его, — сказала она не вслух, а дыханием. Дерево услышало, потому что оно всегда слышало. — Я не сужу, — ответило оно теплом, — я показываю. — Он не виноват, что не мог спасти, — сказала Заря, Дерево ответило не сразу. — Он виноват, что не принял помощь, это разное. Заря помолчала и сказала тихо, но настойчиво. — Ты тоже не принял его, ты молчало и боялось. Дерево долго не отвечало, потом тепло в коре стало мягче, как будто оно согласилось. Или как будто оно устало спорить.

Святозар снял плащ медленно и без пафоса, просто снял и положил у корней. Ткань легла на снег тёмная и тяжёлая, как обещание. Он выпрямился и посмотрел на Зарю, на Миру, на Вельмира и на мальчика Мирона.

— Я не верю вам, — сказал он, — но я хочу понять, почему вы верите.

Мира шагнула вперёд и сказала спокойно и твёрдо. — Останься не как гость, а как ученик, ты увидишь.

— Сколько времени это займёт? — спросил он, глядя ей в глаза.

— Столько, сколько нужно, — ответила она, — ему тоже нужно время. Оно не привыкло, что его слушают, это важно.

Святозар кивнул медленно, как человек, принявший трудное решение. Он повернулся к своим людям за воротами и поднял руку. Знак был простым, люди начали отходить неохотно, но отходили. Заря стояла у корней и смотрела на плащ, на снег и на Дерево. Она чувствовала, что что-то изменилось не в дереве, а в воздухе. Как будто мир стал на один шаг ближе к чему-то непонятному. Она посмотрела на кору и заметила тонкую трещину, едва заметную. Она светилась красным слабо, как уголёк под пеплом. Заря коснулась её, пальцы обожгло холодом, она отдернула руку. Трещина осталась, она не росла, но и не исчезала. Заря посмотрела на Святозара, который стоял в стороне и слушал Миру. Он слушал впервые за долгое время, это было важно. Заря не сказала никому о трещине, не сейчас. Сначала нужно было понять, что она значит.

Ночью она вернулась к Дереву одна, когда снег перестал. Небо было чистым, звёзды висели низко, как будто хотели услышать. Трещина светилась ярче, чем днём, красный свет пульсировал медленно и ровно. Заря коснулась её снова и на этот раз не отдернула руку. Она почувствовала, что где-то далеко за горизонтом родился новый Мост. Но он не хотел быть частью сети, он хотел быть один. Он был молодым, гордым и одиноким, как Святозар. Заря отступила и посмотрела на трещину, на Дерево и на звёзды. — Ты предупреждаешь меня или пугаешь? — спросила она тихо. Дерево молчало, но где-то в глубине корней что-то дрогнуло. Как будто оно услышало, это было важно. Заря повернулась и пошла домой, снег скрипел под ногами. Трещина светилась ей вслед красным, как кровь на снегу.

Дерево молчало, но его молчание было полным, как чаша на весу. Святозар остался не как враг, а как ученик. Его плащ лежал у корней тёмный и тяжёлый, как обещание. А трещина светилась красным слабо, но упрямо. Заря знала, что это только начало. И где-то далеко за горизонтом уже родился новый Мост. Молодой, гордый и одинокий, как Святозар. Как она сама когда-то.

Святозар возвращается на рассвете один и просит показать ему. Дерево отвечает и показывает ему не только смерть сестры, но и его собственную вину. Святозар падает на колени, Заря дышит с ним, не утешая, а просто рядом. Она спорит с Деревом, говоря, что оно не имеет права судить его. Дерево отвечает: «Я не сужу. Я показываю». Святозар решает остаться учеником и кладёт плащ у корней. После его ухода Заря снова замечает на коре тонкую трещину, светящуюся красным. Ночью она возвращается, касается трещины и чувствует, что где-то далеко родился новый Мост. Он молодой, гордый и одинокий, он не хочет быть частью сети.

Эпизод 1.4: «Пар и мёд в бане ведуньи»

«Самые важные слова говорят шёпотом. Самые важные прикосновения — в темноте.»

Мира вернулась от Дерева с холодными руками и не стала этого скрывать. Вельмир ждал её у бани, скрестив руки, по его лицу было видно: он уже знает. Он не спросил, где она была, потому что ответ читался в её покрасневших пальцах. Он просто открыл дверь и пропустил её вперёд, не сказав ни слова.

Внутри было жарко и пахло полыньёю, мятой и мёдом. Пар поднимался от каменки густой и белый, как молоко, оседал на стенах каплями. Мира сняла тулуп и повесила его на крюк у двери. Вельмир вошёл следом, снял козушок и положил его на лавку, а меч поставил в угол. Он делал это медленно, как будто прощался с ним, Мира смотрела на его руки, не говоря ни слова.

— Ты трогала трещину, — сказал он наконец, это был не вопрос. Она не стала отрицать и просто кивнула, глядя в сторону.

— И что она сказала? — спросил он тихо, не подходя ближе.

— Что голодна, — ответила Мира и наконец посмотрела ему в глаза.

— А ты? — спросил он, в его голосе была не злость, а усталость.

— Что ты почувствовала, когда касалась её?

Мира помолчала и села на полок, обхватив колени руками. Она чувствовала, как пар оседает на коже, как тепло проникает в кости, но внутри у неё было холодно. Она думала о том, как Дерево тянуло её, как будто хотело что-то взять, как она не отдернула руку. Она думала о том, что не сказала об этом никому, даже Вельмиру, от этого ей было стыдно.

— Я почувствовала, что я — Мост, — сказала она наконец, голос её дрогнул. — И что Мост должен стоять, даже если под ним рухнет земля.

Вельмир подошёл и сел рядом, не касаясь её. Он смотрел прямо перед собой, на стену, где пар оседал каплями и стекал вниз. Он думал о том, что видел сегодня утром, когда ходил к Дереву до неё. Он видел трещину, которая светилась красным, чувствовал, как что-то тянет его изнутри, как будто просит. Он не сказал ей об этом, потому что не хотел пугать, теперь жалел.

— Я тоже ходил к Дереву, — сказал он тихо, Мира повернулась к нему резко. — Когда? — спросила она, в её голосе был страх.

— Утром, до тебя, — ответил он, не отводя взгляда. — Я видел трещину и чувствовал, как она тянет. Я не сказал тебе, потому что не хотел, чтобы ты шла туда одна.

Мира закрыла глаза и выдохнула медленно, как будто выпускала из лёгких что-то тяжёлое. Она думала о том, что он мог пострадать, что Дерево могло взять его вместо неё, от этой мысли у неё сжималось горло. Она думала о том, что он скрыл от неё правду, это было хуже, чем если бы он сказал сразу. Она думала о том, что они оба скрывают друг от друга что-то важное, это было началом чего-то плохого.

— Ты не должен был идти один, — сказала она, в её голосе была не злость, а боль. — Ты не должен был скрывать это от меня. Мы же договорились, что будем вместе.

Вельмир повернулся к ней и взял её за руку, его ладонь была тёплой и шершавой. Он сжал её пальцы и посмотрел ей в глаза, в его взгляде была не вина, а решимость. Он думал о том, что не может позволить ей идти к Дереву одной, что он пойдёт с ней, даже если она

будет против. Он думал о том, что если Дерево заберёт её, то оно заберёт и его, это было единственным, что имело смысл.

— Я не позволю тебе идти туда одной, — сказал он твёрдо, его голос не дрогнул. — Если ты пойдёшь, я пойду с тобой. Я не останусь здесь и не буду смотреть, как ты растворяешься.

Мира посмотрела на него долго и молча, в её глазах было что-то, чего он не видел раньше. Она думала о том, что не сможет взять его с собой, потому что Дерево возьмёт только одного. Она думала о том, что если он пойдёт с ней, то может не вернуться, это было хуже, чем её собственная смерть. Она думала о том, что должна сказать ему правду, но не знала, как это сделать, не ранив его.

— Я не могу взять тебя с собой, — сказала она наконец, голос её был тихим, но твёрдым. — Дерево возьмёт только одного. И я не хочу, чтобы это был ты.

Вельмир отстранился и посмотрел на неё так, как будто она ударила его. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не нашёл слов. Он думал о том, что она уже решила, что она уже согласилась на что-то, о чём не сказала ему. Он думал о том, что она собирается умереть, это было невыносимо. Он думал о том, что не может позволить ей сделать это, что он найдёт способ остановить её.

— Ты уже решила, — сказал он, в его голосе была не злость, а горечь. — Ты уже согласилась на что-то, о чём не сказала мне. Ты собираешься умереть, я не могу это остановить.

Мира не ответила и просто смотрела на него, в её глазах были слёзы, которые она не хотела показывать. Она думала о том, что он прав, что она уже решила, что она уже согласилась на что-то, о чём не сказала ему. Она думала о том, что не может позволить ему умереть вместе с ней, что это было единственным, что она могла сделать. Она думала о том, что должна сказать ему правду, но не знала, как это сделать, не ранив его ещё сильнее.

— Я не собираюсь умирать, — сказала она, голос её дрогнул. — Я собираюсь стать Мостом. А Мост не умирает. Он просто стоит.

Вельмир посмотрел на неё долго и молча, в его глазах было что-то, чего она не видела раньше. Он думал о том, что она говорит правду, но правда не всегда спасает. Он думал о том, что Мост может стоять, но тот, кто его строит, может умереть. Он думал о том, что не может позволить ей сделать это одной, что он найдёт способ быть рядом, даже если она будет против.

— Тогда я буду стоять рядом, — сказал он тихо, его голос был твёрдым, как камень. — Я не буду Мостом, но я буду тем, кто держит тебя, когда ты будешь стоять.

Мира посмотрела на него и улыбнулась, в этой улыбке было больше боли, чем радости. Она думала о том, что он не понимает, что она не сможет взять его с собой, что Дерево возьмёт только одного. Она думала о том, что должна сказать ему правду, но не знала, как это сделать. Она думала о том, что, может быть, он поймёт, когда придёт время, что, может быть, это было единственным, что она могла сделать.

Она поцеловала его медленно и нежно, как будто прощалась, он ответил так же медленно и нежно. В этом поцелуе было всё, что они не сказали друг другу, всё, что они не смогли сказать. Пар окутывал их, тёплый и влажный, вода стекала по коже, мёд на губах был сладким и горьким одновременно. Они любили друг друга в темноте и в пару, это было не прощанием, а попыткой удержать друг друга в жизни. Они не говорили «прости» и не говорили «прощай», они говорили «останься».

Потом они лежали на полке, держась за руки, слушали дыхание друг друга. Пар рассеялся, стало прохладно, но они не двигались. Мира смотрела на его лицо, расслабленное во сне, запоминала каждую линию, каждую тень, каждую морщинку. Она думала о том, что не сможет взять его с собой, что Дерево возьмёт только одного, что она должна сказать ему правду. Она думала о том, что не знает, как это сделать, не ранив его ещё сильнее, что, может быть, это было единственным, что она могла сделать. Она думала о том, что, может быть, он поймёт, когда придёт время, что, может быть, это было единственным, что она могла сделать.

Утром Мира проснулась первой и вышла из бани, не разбудив его. Снег перестал, небо было серым и тяжёлым, Дерево стояло тёмное и молчаливое. Она подошла к нему и увидела, что у трещины распустился чёрный цветок, маленький и уродливый. Она сорвала его, он рассыпался в её пальцах пеплом, серым и тёплым. Вельмир подошёл сзади, тихо, как всегда, посмотрел на пепел на её ладони.

— Что это? — спросил он, в его голосе была тревога.

— Это предупреждение, — сказала Мира, голос её был тихим и твёрдым. — Сад проснулся.

Она не сказала ему, что чувствует, что Дерево зовёт не её, а Зарю. Она не сказала ему, что боится, что Сад возьмёт её дочь, а не её. Она не сказала ему, что, может быть, это было единственным, что она могла сделать. Она просто смотрела на пепел на своей ладони и думала о том, что время идёт, что она должна найти способ остановить это, пока не стало слишком поздно.

Пар в бане рассеялся, мёд на губах остался, слова, сказанные шёпотом, повисли в воздухе. Мира и Вельмир вышли на мороз, держась за руки, Дерево стояло тёмное. Трещина светилась красным, а на снегу лежал пепел чёрного цветка. Сад проснулся, он ждал не жертвы и не крови. Он ждал ответа, настоящего, не «рядом» и не «Мост». И Мира знала, что ответ должен дать кто-то другой, что этот кто-то был её дочерью.

Мира возвращается от Дерева с холодными руками, Вельмир ждёт её у бани. В бане они говорят о трещине, Мира признаётся, что чувствует себя Мостом, который должен стоять. Вельмир признаётся, что тоже ходил к Дереву и чувствовал, как оно тянет, что скрыл это от неё. Они ссорятся, Мира говорит, что не может взять его с собой, потому что Дерево возьмёт только одного. Вельмир говорит, что будет стоять рядом, они любят друг друга не как прощание, а как попытку удержать друг друга в жизни. Утром Мира находит у трещины чёрный цветок, срывает его, он рассыпается пеплом. Она говорит Вельмиру, что Сад проснулся, но не говорит, что чувствует, что Дерево зовёт Зарю, а не её.

Эпизод 1.5: «Сон о Мосте, по которому идут все»

«Сон — это дверь. Но не всякую дверь стоит открывать.»

Заря легла поздно и долго смотрела в потолок, слушая дыхание Радомира рядом. Он спал спокойно, как человек, который не знает, что за стенами стоит войско. Она думала о трещине, о чёрном цветке, о том, что Мира скрыла от неё что-то важное. Она думала о Святозаре и о его словах: «Я не верю в „рядом“. Я верю в „равно“». Она думала о Мироне и о пуговице в его кармане, которая пахла матерью. Она закрыла глаза и провалилась в сон, не успев додумать ни одну из этих мыслей до конца.

Она стояла на Мосту, который был её телом. Мост был широкий и каменный, он уходил в обе стороны, не имея конца. По нему шли люди, много людей, они не смотрели на неё. Они шли молча, глядя вперёд, каждый шаг отдавался в её костях. Она попыталась сойти с Моста, но ноги вросли в камень, она не могла двинуться с места. Она попыталась закричать, но голос не шёл, только шёпот вырывался из горла. Она попыталась удержать хотя бы одного человека, но руки были связаны, она не могла дотянуться.

Святозар стоял на Мосту и не шёл. Он смотрел на неё и говорил: «Я не верю в „рядом“. Я верю в „равно“». Она протянула к нему руку, но он отступил, Мост под ним треснул. Мирон шёл по Мосту и плакал, держа в руке пуговицу от маминого платья. Мост под ним трескался, но мальчик не замечал, она не могла его предупредить. Мира стояла в конце Моста, молодая и красивая, в её глазах был страх, тот самый страх, который Заря видела в бане. Вельмир пытался удержать Мост руками, но Мост был её телом, он не мог его удержать. Он падал, она кричала, но голос не шёл, только шёпот вырывался из горла.

Мира шагнула вперёд и сказала: «Ты не должна была это видеть». Заря попыталась ответить, но слова не шли, только слёзы текли по лицу. Мира сказала: «Мост — это не тело. Мост

— это выбор». Заря почувствовала, как Мост под ней дрогнул и начал рушиться, люди закричали, начали падать. Она попыталась их удержать, но не могла, Мост рушился, она рушилась вместе с ним. Она упала в темноту и проснулась от того, что Дерево звало её.

Она села в постели, сердце колотилось, холодный пот стекал по спине. Радомир спал рядом, она не стала его будить, а просто встала и надела тулуп. Она вышла во двор, снег скрипел под ногами, небо было чистым, звёзды висели низко. Дерево стояло тёмное, трещина светилась красным, но слабее, чем вчера. Она подошла к Дереву и увидела, что рядом с трещиной распустился белый цветок, маленький и светящийся изнутри. Она коснулась его, лепестки были прохладные, она почувствовала, что где-то далеко родился новый Мост. Но он не хотел быть частью сети, он хотел быть один.

Она достала из кармана семечко, которое оставила Мира, увидела, что оно треснуло. Из трещины пророс маленький росток, бледно-зелёный и живой, он пах лавандой. Она сжала семечко в кулаке и почувствовала, как росток нагревается, как что-то тянет её изнутри. Она поняла, что Сад уже начал действовать через неё, что она не может это остановить. Она поняла, что должна поговорить с Мирой, что этот разговор не будет лёгким. Она поняла, что выбор, который она сделает, изменит всё, что она не может от него уклониться.

Она нашла Миру у печи, Мира не спала и по её лицу было видно, что она ждала. Заря села рядом и положила семечко на стол, росток светился в темноте. Мира посмотрела на него и закрыла глаза, по её лицу было видно, что она знала:

- Я видела сон, в нём был Мост, я не могла сойти.
- Ты не должна была это видеть, теперь ты не сможешь это забыть.
- Я не хочу быть вечной, я не хочу быть Мостом, который стоит и смотрит.
- Это не твой выбор, это выбор Сада, Сад не спрашивает.
- Тогда я пойду к Саду и скажу ему, что выбираю жизнь.

Мира открыла глаза и посмотрела на неё долго и молча, в её взгляде была не жалость, а страх.

- Ты не понимаешь, Сад не спрашивает, он берёт.
- Тогда я научу его спрашивать, я научу его слушать.

Мира покачала головой и сказала:

- Ты не сможешь, он не будет слушать, он возьмёт тебя.

Заря сказала:

- Я не хочу быть вечной, я хочу быть живой, даже если это больно.

Мира помолчала и сказала:

- Тогда завтра совет, мы решим это до того, как Сад решит за нас.

Заря кивнула и встала, росток в её кулаке пульсировал, белый цветок за окном светился.

Сон рассеялся, но белый цветок остался, росток в кулаке Зари пульсировал, как второе сердце. Она стояла у окна и смотрела на Дерево, трещина светилась красным, но слабее, чем вчера. Она знала, что Сад проснулся и что он ждёт не жертвы и не крови, а ответа. Она знала, что ответ должен дать кто-то другой, что этот кто-то был её дочерью. Она знала, что время идёт, что она должна найти способ остановить это, пока не стало слишком поздно.

Заря видит сон, в котором она — Мост, а по ней идут люди. В сне появляются Святозар, Мирон, Мира и Вельмир, каждый из них сталкивается с её неспособностью помочь. Она пытается сойти с Моста, закричать и удержать людей, но не может, Мост рушится. Она просыпается и идёт к Дереву, где находит белый цветок и треснувшее семечко с ростком. Она понимает, что Сад начал действовать через неё. Она приходит к Мире, между ними происходит конфликт: Мира боится, что Сад заберёт Зарю, а Заря хочет научить Сад спрашивать. Мира говорит, что завтра будет совет, что они должны решить всё до того, как Сад решит за них.

Эпизод 1.6: «Дети играют в войну у Дерева»

«Совет — не место, где решают. Это место, где слышат.»

Совет собрался у Дерева на следующее утро, снег под ногами скрипел, как старые половицы. Мира настояла, чтобы говорили на воздухе, потому что Дерево должно было слышать каждое слово. Вокруг стояли Ясен, Лада, Велес, Любомир, Ратко и Радомир, все они молчали, как люди, которые боятся сказать лишнее. Святозар стоял в стороне, его плащ лежал у корней, тёмный и тяжёлый, как обещание. Мирон сидел на скамье, закутавшись в тулуп, сжимал в кармане пуговицу от маминого платья. Дети играли поодаль, их смех казался неуместным, но единственно правильным.

Мира встала в центре и сказала, что каждый должен сказать одну фразу, что за каждой фразой должен стоять страх.

Ясен шагнул вперёд и сказал:

– Нужно воевать, потому что мор может вернуться.

Лада покачала головой и сказала, что нужно лечить, потому что она не хочет хоронить детей.

Велес сказал, что нужно закрыть город, потому что он видел, как рушатся стены.

Любомир сказал:

– Нужно бежать в степь, потому что тьма внутри него всё ещё жива.

Ратко сказал:

– Нужно открыть ворота, потому что он хочет вернуть мать.

Радомир сказал:

– Нужно слушать, потому что он верит Заре.

Святозар сказал, что хочет понять, потому что впервые не уверен, что прав.

Мира сказала:

– Нужно защитить, потому что она боится потерять дочь.

Заря сказала:

– Нужно учить, потому что она хочет изменить Сад.

Дети играли в войну, снежки летели в Святозара, он впервые за много дней засмеялся.

Мирон смотрел на него и спрашивал Ратко, что будет, если открыть ворота и пустить всех.

Ратко ответил, что Мост рухнет, но голос его дрогнул, потому что он не был уверен.

Мирон спросил, а если не рухнет, Ратко замолчал, потому что ответа не было.

Взрослые услышали этот вопрос и тоже замолчали, потому что никто не знал, что сказать.

Святозар перестал смеяться и посмотрел на Мирона долгим взглядом, как будто мальчик сказал что-то важное.

Святозар шагнул вперёд и сказал, что хочет увидеть Сад, а не только Дерево.

Заря согласилась, потому что она тоже хотела понять, что за корой.

Мира резко повернулась и сказала, что это ошибка, что Сад не показывает себя тем, кто не готов.

Святозар спросил: кто решает, кто готов, Мира ответила, что Сад решает сам.

Заря сказала, что Сад может научиться спрашивать, если кто-то научит его слушать.

Мира посмотрела на неё так, как будто она сказала что-то опасное, в её глазах был страх. Семечко в кармане Зари нагрелось, она почувствовала, как росток пульсирует, как второе сердце.

От Дерева пошёл слабый запах лаванды, Мирон вдохнул и сказал, что пахнет мамой. Все замолчали, даже дети перестали играть, потому что почувствовали что-то важное.

Совет принял компромисс, который никого не устроил полностью. Святозар оставался учеником, но его люди оставались за стенами, никто не входил в город без разрешения. Заря учила его дышать с Деревом, но Мира запретила показывать ему Сад до следующего совета. Ратко и Мирон оставались при Заре как маленькие Мосты, это было единственным, что всех примирило.

Мира сказала, что это ошибка, что Сад не прощает ошибок, но её никто не послушал.

Святозар сказал, что согласен ждать, но в его голосе была не покорность, а что-то другое.

Заря почувствовала, что это только начало, что Сад уже слушает, даже если люди ещё не готовы.

Совет закончился, дети снова играли, Святозар смотрел на них без прежней уверенности. Мирон задал вопрос, на который не было ответа, этот вопрос повис в воздухе, как снег перед бурей.

Заря знала, что компромисс не решил ничего, а только отложил решение. Сад слушал, он ждал, он не собирался ждать вечно.

А ночью кто-то попытался пробраться к Дереву, это было началом чего-то, что совет не мог остановить.

Ночью человек Святозара попытался пробраться к Дереву, его поймал Вельмир у самых корней. Это был молодой парень с испуганными глазами, он сказал, что хотел только посмотреть.

Заря вышла к нему и спросила, зачем он пришёл, он повторил, что хотел посмотреть. Она сказала, что он хотел взять, он не стал отрицать, потому что ложь была бесполезна. Потом он сказал, что теперь не знает, это было честнее, чем всё, что говорили на совете.

Заря отпустила его спать и сказала Вельмиру, что он вернётся, но уже не будет брать. Вельмир покачал головой и сказал, что она слишком добрая, а она ответила, что просто видит, что будет дальше.

Совет собирается у Древа, каждый говорит одну фразу, за которой стоит страх. Дети играют в войну и задают вопрос, на который взрослые не могут ответить: что будет, если открыть ворота и пустить всех? Святозар просит показать ему Сад, Заря соглашается, но Мира против. Семечко в кармане Зари нагревается, от Древа идёт запах лаванды, Мирон говорит, что пахнет мамой. Совет принимает компромисс: Святозар остаётся учеником, его люди за стенами, Заря учит его дышать, но Сад пока не показывает. Ночью один из людей Святозара пытается пробраться к Дереву, его ловят, он признаётся, что хотел что-нибудь взять, но теперь не будет.

Эпизод 1.7: «Трещина, что светится красным»

«Тьма не приходит извне. Она приходит изнутри.»

Утром трещина выросла, красный свет из неё был виден даже сквозь снег. Люди в городе хватались за голову, дети плакали без причины, а собаки были на задворках. Дерево стонало тихо и протяжно, как раненый зверь, от корней шёл слабый запах гари.

Заря вышла во двор и почувствовала, как семечко в кармане обожгло её ладонь. Она достала его и увидела, что росток вырос и на нём распустился маленький белый цветок. Цветок пах лавандой, от этого запаха у Зари сжалось горло.

Разведчики вернулись к полудню, их было четверо, все они шли медленно и шатались. Они не узнали Зарю и не ответили на её вопросы, только повторяли одно слово. Слово было «Сад», они произносили его шёпотом, как молитву. Один из них, молодой парень с рыжей бородой, посмотрел на неё пустыми глазами и улыбнулся. Улыбка была не его, Заря поняла, что Сад уже взял их память. Она велела отвести их в дом и не пускать к Дереву, люди повиновались молча.

У трещины стояла женщина, которую Заря никогда раньше не видела. Она была молодая и красивая, улыбалась так, как будто знала что-то важное.

— Ты не остановишь Сад, — сказала женщина, голос её был мягким, как шёлк. — Ты можешь только выбрать, выбор будет трудным.

— Кто ты? — спросила Заря, но женщина не ответила и просто исчезла. На снегу остался только след от её босых ног, след вёл к трещине. Он обрывался у самых корней, как будто женщина шагнула в Дерево.

Яросвет вышел к Дереву, хотя ему запретили выходить из дома. Он стоял в снегу босиком и смотрел на трещину, в его глазах было что-то новое.

— Мама, оно зовёт меня, — сказал он тихо, голос его не дрогнул. — Оно говорит, что я — свет, что я должен идти.

Он сделал шаг к трещине, Заря схватила его за руку. Семечко в её кармане обожгло её так сильно, что она вскрикнула. Яросвет не плакал и не вырывался, просто смотрел на мать с жалостью.

— Ты не понимаешь, — сказал он, — но я должен, ты не можешь меня остановить.

Мира подошла к ним и увидела, как Яросвет тянется к трещине, её лицо стало белым.

— Я пойду сама, — сказала она твёрдо, голос её не дрогнул. — Я стану хранителем, Сад не заберёт ребёнка.

Вельмир встал рядом и положил руку ей на плечо.

— Я пойду с тобой, — сказал он тихо, — и не останусь здесь смотреть, как ты растворяешься.

Мира не стала спорить и просто кивнула, в её глазах была решимость.

— Я не позволю вам уйти, — сказала Заря, голос её дрогнул. — Я сама пойду к Саду и научу его спрашивать.

— Сад не спрашивает, — ответила Мира, качая головой, — он берёт, ты не сможешь его остановить.

— Я не хочу быть вечной, — сказала Заря, — я хочу быть живой, это мой выбор.

— Это не твой выбор, — сказала Мира, — это выбор Сада, он уже сделан.

Яросвет стоял между ними и смотрел на трещину, его рука всё ещё тянулась к красному свету.

Мира взяла семечко из кармана Зари и вложила его в руку Яросвета. Росток на семечке запульсировал, как второе сердце, мальчик сжал его в кулаке.

— Теперь твоя очередь, — сказала Мира, — посади его, когда будет трудно.

Яросвет посмотрел на бабушку, в его глазах были слёзы, которых он не хотел показывать. Вельмир обнял его и что-то прошептал на ухо, мальчик кивнул, не поднимая глаз.

Мира и Вельмир подошли к Дереву и встали перед трещиной, красный свет осветил их лица. Трещина открылась, из неё полился золотой свет, тёплый и яркий, как утреннее солнце. Мира обернулась в последний раз и посмотрела на Зарю и Яросвета, улыбнулась.

— Я люблю вас, — сказала она тихо, — и всегда буду рядом, просто позовите. Она шагнула в свет, Вельмир шагнул за ней, свет погас. Дерево сомкнулось, на снегу остался только запах лаванды и тишина.

Трещина выросла, её красный свет виден даже сквозь снег. Разведчики возвращаются без памяти и повторяют слово «Сад». У трещины появляется первая жрица и говорит Заре, что она не остановит Сад, а может только выбрать. Яросвет выходит к Дереву и тянется к трещине, говоря, что он — свет. Мира и Вельмир решают уйти в Дерево, чтобы Сад не забрал ребёнка. Мира отдаёт Яросвету семечко и говорит, что теперь его очередь. Они входят в Дерево, свет гаснет. На снегу остаётся только запах лаванды и тишина.

Глава 2. «Сад, который помнит»

Эпизод 2.1: «Первый вход»

«Сон — это дверь. Но не всякую дверь стоит открывать.»

Заря не спала всю ночь после ухода Миры и Вельмира и сидела у постели Яросвета. Семечко в кулаке сына пульсировало ровно и тепло, как второе сердце, она смотрела на него, не отводя глаз. За окном было тихо, только Дерево стояло тёмное, трещина светилась красным сквозь снег. Она вспоминала последние слова Миры — «Просто позови» — и чувствовала, что не может ждать до утра.

Она вышла во двор и села у корней, снег сразу пропитал её тулуп холодом. Она закрыла глаза и сделала медленный вдох, как учила Мира, но Дерево не отвечало. Она попробовала снова, ещё раз, ещё, каждый раз дверь оставалась закрытой. Семечко осталось в руке Яросвета, без него вход был закрыт, Заря поняла это только сейчас. Она сидела на снегу и чувствовала себя маленькой и беспомощной, как в детстве, когда мать уходила и не возвращалась.

— Просто позови, — сказала она вслух, голос её дрогнул. — Мама, я зову, я здесь, я не уйду.

Трещина ответила не сразу, сначала это был только слабый гул, как будто Дерево просыпалось. Потом красный свет стал ярче, из трещины вырвался узкий луч, он коснулся её запястья. Заря почувствовала, как кожу обожгло холодом, на запястье осталась тонкая красная полоса. Она не обратила на неё внимания, потому что Дерево уже открывалось, она шагнула в свет, не оглядываясь.

Она оказалась в доме, где пахло хлебом и лавандой, где всё было таким же, как в детстве. Мира стояла у печи и вынимала хлеб, её руки были молодыми и сильными, на щеках играл румянец. Вельмир сидел за столом и чинил сеть, его плечи были широкими, а спина прямой, как у юноши. Они обернулись одновременно, их лица осветились радостью, но в глазах была тень.

— Ты пришла, — сказала Мира, голос её был тёплым, как пар над хлебом. — Я знала, что ты придёшь, ждала тебя каждый день, боялась, что ты не придёшь.

— Я не могла не прийти, — ответила Заря, слёзы текли по её лицу. — Я не знала, что вы уйдёте так быстро, что Яросвет останется один, что я останусь одна.

— Он не один, — сказал Вельмир, не поднимая глаз от сети. — Он — Свет, а ты — Мост, мы всегда рядом, даже если вы нас не видите.

Мира поставила хлеб на стол и села напротив Зари, её лицо стало серьёзным. Она спросила, чувствует ли Заря голод, Заря не поняла вопроса. Мира объяснила, что Сад голоден, что он хочет больше, чем может дать, что он уже выбрал. Заря спросила, кого он выбрал, Мира промолчала, Вельмир промолчал, в доме стало тихо.

— Ты должна быть осторожна, — сказала Мира наконец, голос её был тихим и твёрдым. — Каждый вход забирает одно воспоминание, чем чаще тыходишь, тем больше теряешь, однажды можешь не вспомнить, зачем пришла.

— Я не боюсь, — сказала Заря, но это была ложь, она сама это знала. — Я хочу видеть вас, я готова отдать всё, мне не жалко.

— Не говори так, — сказал Вельмир, в его голосе была боль. — Ты нужна Яросвету, ты нужна Радомиру, ты нужна городу, ты не можешь отдать всё.

Заря кивнула и встала, Мира обняла её крепко, как в детстве, прошептала, что всегда будет рядом. Заря вышла из дома и шагнула в трещину, красный свет снова коснулся её запястья, полоса стала ярче. Она вернулась в город и увидела Радомира, который ждал её у крыльца с фонарём в руке.

— Ты была там? — спросил Радомир, в его голосе была тревога. — Ты видела их, они живы, они счастливы?

— Видела, — ответила Заря, улыбнулась, взяла его за руку. — Они молоды, они вместе, они ждут нас, они всегда будут ждать.

Радомир обнял её и прижал к себе, она почувствовала тепло его тела и запах дыма от его одежды. Он спросил, помнит ли она, как они встретились, она сказала, что помнит. Она сказала, что он был важным и глупым, что принёс ей травы вместо цветов, что она смеялась над ним. Радомир улыбнулся и покачал головой, в его глазах была нежность.

— Это было на второй встрече, — сказал он тихо, голос его дрогнул. — На первой ты меня прогнала, сказала, что не хочешь видеть ведуна, захлопнула дверь перед моим носом.

Заря замерла и посмотрела на него, в её глазах был страх. Она не помнила первой встречи, она не помнила, как прогнала его, она не помнила, как он стоял под дверью. Она помнила только травы и смех, этого было мало, она это знала. Она хотела сказать правду, но не смогла, просто улыбнулась.

— Ничего, — сказал Радомир, коснулся её щеки. — Я помню за нас двоих, этого достаточно, я не отдам тебя ни Саду, ни памяти.

Она кивнула и прижалась к нему, в этот момент заметила на снегу у корней чёрный лепесток. Она не помнила, как он там оказался, не помнила, когда она его видела. Она наклонилась и подняла его, лепесток рассыпался в её пальцах пеплом, серым и тёплым. Заря посмотрела на свою руку и увидела красную полосу на запястье, поняла, что Сад забрал не только память.

Заря стояла с пеплом на ладони и смотрела на красную полосу на запястье. Она не помнила первой встречи с Радомиром, это было только начало. Сад забрал не только память, но и что-то ещё, она не знала, что именно. Она знала только, что не может остановиться, что будет входить снова, что каждый раз будет отдавать что-то, что однажды может не вспомнить, зачем пришла. Она посмотрела на Дерево, трещина светилась красным, от корней шёл слабый запах лаванды. Она знала, что это только начало.

Заря не спит после ухода Мирры и Вельмира и пытается войти в Сад без семечка, которое осталось у Яросвета. Она не может войти, пока не вспоминает слова Мирры «Просто позови». Трещина открывается, красный свет оставляет полосу на её запястье. В Саду Мирра и Вельмир молоды и счастливы, но тревожны: они говорят, что Сад голоден и уже выбрал. Заря возвращается, Радомир спрашивает о первой встрече. Она не помнит её и ложится, что помнит. Радомир говорит: «Я помню за нас двоих». На снегу у корней Заря находит чёрный лепесток, который рассыпается пеплом, понимает, что Сад забрал больше, чем одно воспоминание.

Эпизод 2.2: «Яросвет входит сам»

«Дети видят то, что взрослые разучились замечать.»

Яросвет не мог заснуть, потому что семечко в его кулаке пульсировало и звало его. Оно было тёплым, как живое, пахло лавандой, мальчик знал, что бабушка ждёт. Он встал тихо, чтобы не разбудить мать, накиннул тулуп прямо на рубаху. Он вышел во двор, снег скрипел под его валенками, Дерево стояло тёмное, трещина светилась красным. Он подошёл к корням и сел на снег, сделал медленный вдох, как учила Заря.

Дерево расступилось перед ним, как вода, он шагнул в золотой свет, не оглядываясь. Он оказался не в доме, а в саду за домом, где река текла вверх и птицы летали без взмахов крыльев. Трава была мягкой и тёплой, воздух пах мёдом и полынью, мальчик стоял и смотрел на всё широко открытыми глазами. Он видел светящиеся нити, которые тянулись от людей к Дереву, нити были разного цвета. Он видел нить Зари, серебряную и тонкую, нить Радомира, тёмно-синюю и крепкую. Он видел нить Мирона, бледно-голубую и дрожащую, нить Ратко, чёрную и оборванную. И он видел свою нить, которая не была привязана к Дереву и свободно висела в воздухе.

Мира и Вельмир нашли его в саду, их лица осветились радостью, но в глазах была тревога. Мира опустилась перед ним на колени и взяла его лицо в ладони, её руки были тёплыми и мягкими.

— Ты не должен был приходить один, — сказала Мира, голос её дрогнул. — Сад не для детей, он не прощает ошибок, я боюсь за тебя.

— Я не один, — ответил Яросвет, голос его не дрогнул. — Со мной семечко, оно меня позвало, я не боюсь, я хочу увидеть нити.

— Какие нити? — спросил Вельмир, в его голосе было удивление.

— Те, что тянутся от людей к Дереву, — сказал Яросвет, показал рукой. — Вот твоя, дедушка, она синяя и крепкая, а вот мамина, она серебряная и тонкая, а вот моя, она ни к чему не привязана.

Мира и Вельмир переглянулись, в их глазах был страх, потому что они не видели нитей. Они видели только сад, реку, птиц, траву, им было холодно от того, что мальчик видит то, чего не видят они.

У трещины появилась женщина, которую Яросвет раньше не видел, она была молодая и красивая, улыбалась так, как будто знала что-то важное. Она посмотрела на него долгим взглядом, в её глазах было что-то, от чего мальчику стало холодно. Она шагнула вперёд и заговорила тихо, но каждое слово было слышно.

— Ты видишь нити, — сказала женщина, голос её был мягким, как шёлк. — Значит, ты не просто Мост, а ты — тот, кто держит Мост, это разные вещи.

— Кто ты? — спросил Яросвет, голос его дрогнул.

— Я — первая, — ответила женщина, улыбка её стала шире. — Я была здесь до всех, я ждала тебя, теперь я покажу тебе то, что ты должен увидеть.

Она взмахнула рукой, сад потемнел, перед Яросветом появилось видение. Он увидел Зарю, которая стояла у Древа и старела на глазах, волосы её седели, лицо покрывалось морщинами. Он увидел Миру и Вельмира, которые растворялись в свете, потому что Сад не получил хранителя. Он увидел город, который пустел, людей, которые уходили в трещину и не возвращались. Мальчик смотрел на это и чувствовал, как слёзы текут по его лицу, как семечко в его кулаке пульсирует, как второе сердце.

— Это будущее, если ты не станешь сердцем, — сказала женщина, голос её был холодным. — Ты можешь спасти их, если останешься здесь, будешь стоять, будешь держать, не выйдешь в мир.

— Я найду другой путь, — ответил Яросвет, голос его дрогнул, но не сломался.

— Другого пути нет, — сказала женщина, улыбка её стала холодной. — Сад не спрашивает, сколько тебе лет, он не спрашивает, чего ты хочешь, он берёт то, что ему нужно.

Семечко в кулаке Яросвета треснуло, из него вышел росток, который обвился вокруг его руки, как браслет. Росток был зелёным и живым, он светился изнутри, мальчик почувствовал, как он прирастает к коже. Он попытался снять его, но росток не снимался, женщина засмеялась тихо и холодно.

— Семечко признало тебя, — сказала она, голос её был довольным. — Теперь ты не можешь уйти, даже если захочешь, ты будешь приходить, ты будешь отдавать, ты станешь сердцем.

Яросвет вернулся в мир, росток на его руке светился красным, как трещина. Он вбежал в дом и рассказал всё Заре, она побледнела и схватила его за руку. Она смотрела на росток и видела, как он пульсирует, как красный свет разгорается ярче.

— Что это? — спросила Заря, голос её дрогнул. — Что это на твоей руке, почему оно светится, почему ты плачешь?

— Это Семечко Сада, — ответил Яросвет, слёзы текли по его лицу. — Оно признало меня, теперь я не могу уйти, жрица сказала, что я должен остаться, ли ты умрёшь, я не знаю, что делать.

— Ты не останешься, — сказала Заря, голос её был твёрдым. — Я не позволю тебе стать сердцем, я найду способ, я не отдам тебя Саду.

— Она сказала, что другого пути нет, — сказал Яросвет, голос его дрожал. — Она показала мне будущее, ты стареешь, бабушка с дедушкой растворяются, город пустеет, я не хочу, чтобы это случилось.

— Это не будущее, — сказала Заря, взяла его лицо в ладони. — Это то, что она хочет, чтобы ты увидел, она лжёт, я найду другой путь, мы найдём его вместе.

Мальчик посмотрел на неё и улыбнулся, в его улыбке была не детская наивность, а что-то взрослое и твёрдое. Он сказал, что верит ей, что он не боится, что он будет с ней, что они найдут другой путь. Заря обняла его и прижала к себе, слёзы текли по её лицу, она не вытирала их. Она смотрела на росток на его руке и знала, что Сад уже начал торг, что он не остановится.

Яросвет стоял с ростком на руке и смотрел на мать, в его глазах была не детская наивность. Он знал, что Сад выбрал его, что он не может уйти, что жрица лжёт, но не знал, где правда. Заря знала, что она не может его остановить, что она должна найти способ защитить его, что время идёт. Росток на его руке светился красным, от корней шёл слабый запах лаванды. Сад ждал, он не собирался ждать вечно.

Яросвет не может заснуть, потому что семечко зовёт его, он входит в Сад сам. Дерево расступается перед ним, как вода, он оказывается в саду за домом, где видит светящиеся нити, которые тянутся от людей к Дереву. Мира и Вельмир находят его и пугаются, потому что не видят нитей. Появляется первая жрица и показывает Яросвету будущее: Заря стареет, Мира и Вельмир растворяются, город пустеет. Жрица говорит, что он может спасти их, если станет сердцем Сада. Яросвет отвечает, что найдёт другой путь. Семечко трескается, росток обвивается вокруг его руки, как браслет. Яросвет возвращается и рассказывает всё Заре, она обещает найти другой путь. Росток на его руке светится красным, Сад уже начал торг.

Эпизод 2.3: «Культ Вечных»

«Враг не всегда тот, кто с мечом. Иногда — тот, кто с правдой.»

Утром город проснулся от пения, это пение было тихим и тягучим, как ветер в трубе. Люди выходили на площадь и видели незнакомцев в белых одеждах, их было много, они не кричали, а пели гимны о вечной жизни. Их предводителем был кузнец по имени Доброслав, потерявший жену прошлой зимой, его лицо было бледным, а глаза — сухими и горячими. Рядом с ним стоял Ратко, мальчик, который открыл ворота Святозару, его взгляд был пустым, как у человека, который давно не спал.

— Сад должен быть открыт для всех, — говорил Доброслав, голос его был ровным и уверенным. — Мы вернём всех, кого потеряли, никто больше не будет умирать, никто не будет стареть.

Заря спустилась с крыльца и подошла к нему, люди расступились, потому что знали её и боялись её силы. Она посмотрела на Доброслава и увидела в его глазах не злость, а горе, это горе было знакомым. Она видела его в Святозаре, когда он стоял у Дерева, в Мироне, когда он плакал у ворот, в себе, когда смотрела на спящего сына.

— Доброслав, — сказала Заря, голос её был спокойным. — Ты хочешь вернуть жену, я понимаю тебя, я знаю, как это больно.

— Ты не знаешь, — ответил кузнец, голос его дрогнул. — Ты не стояла над её постелью, ты не слышала, как она просит воды, ты не видела, как она умирает.

— Я теряла мать дважды, — сказала Заря, в её глазах были слёзы. — И я знаю, что Сад не вернёт её, что он заберёт у тебя больше, чем даст.

Доброслав покачал головой и улыбнулся, в его улыбке была не радость, а горечь. Он сказал, что жена приходила к нему во сне, что она звала его, что она обещала ждать у Дерева. Заря поняла, что это не его сон, а шёпот первой жрицы, что жрица уже начала свою игру.

— Она лжёт тебе, — сказала Заря, голос её был твёрдым. — Это не твоя жена, а Сад, он говорит то, что ты хочешь услышать.

— Тогда почему я слышу её голос? — спросил Доброслав, в его глазах была не злость, а отчаяние. — Почему она зовёт меня по имени, почему я чувствую её руки, почему я не могу спать?

Заря не нашла ответа, это было самое страшное. Она стояла и смотрела, как Доброслав уходит, люди в белых одеждах идут за ним, их было много, они не кричали, а пели. Она знала, что не может их остановить, что она не имеет права, потому что они не злые, а сломленные, потому что она сама не знала, где правда.

Доброслав подошёл к Мирону, который стоял у ворот и смотрел на культистов широко открытыми глазами. Кузнец опустился перед ним на колени и взял его за руку, в его голосе была нежность, от которой мальчику стало страшно.

— Мы можем вернуть твою маму, — сказал Доброслав, голос его был тихим и мягким. — Она ждёт тебя у Дерева, она зовёт тебя, мы пойдём к ней вместе.

— Она умерла, — ответил Мирон, голос его дрогнул. — Я видел, как её хоронили, я слышал, как бабушка плакала, я знаю, что она не вернётся.

— Она вернётся, — сказал Доброслав, улыбка его стала шире. — Сад вернёт её, ты снова увидишь её, она обнимет тебя, всё будет как раньше.

Заря хотела вмешаться, но не успела, потому что Мирон уже шагнул вперёд и взял белую ленту из рук кузнеца. Он повязал её на руку и посмотрел на Зарю, в его глазах была не вина, а надежда. Он сказал, что хочет увидеть маму, что пойдёт с Доброславом, что она не должна его останавливать. Заря хотела сказать, что Сад лжёт, но не смогла, потому что видела, что он не услышит её.

Культисты подошли к Дереву, трещина светилась красным, от корней шёл запах лаванды. Яросвет стоял у корней с ростком на руке, росток светился красным, мальчик смотрел на толпу широко открытыми глазами. Доброслав остановился перед ним и посмотрел на росток, в его глазах было что-то, чего не было раньше. Он опустился на колени и склонил голову, его люди сделали то же самое, вся площадь стала белой от их одежд.

— Сад выбрал его, — сказал Доброслав, голос его был громким. — Он — новый пророк, он поведёт нас, он откроет дверь для всех.

— Он не пророк, — сказала Заря, вставая между ним и сыном. — Он ребёнок, он не поведёт вас, я не отдам его вам.

— Ты не можешь остановить Сад, — сказал Доброслав, улыбка его стала холодной. — Он уже выбрал, он уже показал нам путь, мы пойдём за ним.

Святозар шагнул вперёд и встал рядом с Зарёй, его рука лежала на рукояти меча, но меч не был обнажён. Он посмотрел на Доброслава и сказал, что культ не имеет права забирать ребёнка, что он не позволит им войти в Сад. Доброслав засмеялся и сказал, что Святозар не имеет права говорить о праве, потому что он сам когда-то пришёл с войском. Святозар опустил глаза, потому что это была правда, потому что он не нашёл, что ответить.

Культисты шагнули вперёд и схватили Яросвета, мальчик закричал и росток на его руке вспыхнул красным. Заря бросилась к нему, но их было слишком много, они оттеснили её, она упала на снег. Святозар обнажил меч и шагнул вперёд, но Доброслав ударил его в плечо, он упал, кровь потекла по его руке. Культисты увлекли Яросвета в трещину, красный свет поглотил их, трещина закрылась, как вода.

Заря стояла перед закрытой трещиной, снег падал на её лицо, она не вытирала его. Она смотрела на кору, видела, как сквозь неё светится красный росток, понимала, что сын внутри.

Святозар подошёл сзади и положил руку на её плечо, его рука была в крови, но он не обращал на это внимания.

— Я пойду за ним, — сказал Святозар, голос его был тихим и твёрдым. — Я войду в Сад и выведу его, я не остановлюсь, пока не найду.

— Ты не сможешь, — сказала Заря, голос её дрогнул. — Трещина закрыта, Сад не пустит тебя, ты не знаешь дороги.

— Тогда я найду дорогу, — ответил Святозар, в его глазах была не злость, а решимость. — Я был врагом, я стал учеником, теперь я хочу быть Мостом, я не боюсь.

Заря посмотрела на него и увидела, что он говорит правду, что он не отступит. Она кивнула и сказала, что пойдёт с ним, что они найдут сына вместе, что она не остановится, пока не вернёт его. Святозар кивнул и сказал, что они выйдут на рассвете, что он знает человека, который может открыть трещину. Заря спросила, кто это, он ответил, что это Мирон, потому что мальчик уже открывал ворота и Сад его запомнил.

Трещина закрыта, снег падал на кору и красный росток светился сквозь неё, как сердце, которое бьётся в темноте. Заря стояла и смотрела на Дерево, в её глазах была не злость, а решимость. Она знала, что Сад забрал сына, что жрица уже начала свою игру, что она должна войти в Сад и вернуть его. Святозар стоял рядом с окровавленной рукой, его лицо было твёрдым, как камень. Они знали, что рассвет будет трудным, что они пойдут вместе, что они не остановятся, пока не найдут Яросвета. Сад ждал, он не собирался ждать вечно.

В городе появляется культ Вечных во главе с кузнецом Доброславом, потерявшим жену. Кузнец верит, что жена зовёт его во сне, но Заря понимает, что это шёпот первой жрицы. Культисты вербуют Мирона, обещая вернуть мать, мальчик надевает белую ленту. У Дерева культисты видят росток на руке Яросвета и падают на колени, называя его пророком. Святозар пытается их остановить, но Доброслав ранит его. Культисты увлекают Яросвета в трещину, трещина закрывается. Заря и Святозар решают идти за ним на рассвете, Святозар говорит, что Мирон может открыть трещину.

Эпизод 2.4: «Первая жрица лжёт»

«Правда не освобождает. Правда ранит. Но только она лечит.»

Заря вернулась в город на рассвете, Яросвет спал у неё на руках, росток на его руке светился ровно и тепло. Радомир встретил их у крыльца и забрал сына, его руки дрожали, но он не сказал ни слова упрёка. Святозар стоял в стороне с перевязанной рукой и смотрел на Дерево, в его глазах была не злость, а решимость. Заря сказала, что пойдёт к жрице сама, что она не возьмёт Яросвета, что она хочет поговорить, а не сражаться.

— Ты не должна идти одна, — сказал Радомир, голос его был твёрдым. — Она уже обманула нас, она обманет тебя, я не могу потерять тебя.

— Я не одна, — ответила Заря, посмотрела на Мирона, который стоял у двери. — Он пойдёт со мной, потому что он слышит её, потому что она говорит с ним во сне.

Мирон шагнул вперёд и кивнул, в его глазах был страх, но не было сомнения. Он сказал, что слышал голос жрицы прошлой ночью, что она звала его, что она плакала. Заря посмотрела на него долгим взглядом и поняла, что мальчик знает что-то, чего не знает она. Она взяла его за руку, они пошли к Дереву, снег скрипел под их ногами.

Святозар остался в городе, Заря видела, как он идёт к культистам, которые стояли у ворот и пели гимны. Он подошёл к Доброславу и заговорил с ним тихо, кузнец сначала не слушал, а потом опустил глаза. Заря не знала, что он говорит, но надеялась, что он найдёт слова, потому что он сам был когда-то врагом и знал, как говорить с теми, кто сломлен.

У Дерева Мирон остановился и положил ладони на кору, трещина дрогнула, но не открылась. Он нахмурился и сказал, что Сад не пускает, потому что жрица не хочет, что она боится. Заря опустилась рядом с ним и положила свою ладонь на его руку, трещина медленно расширилась, красный свет вырвался наружу.

— Ты пришла, — сказала жрица, голос её был тихим и усталым. — Я ждала тебя, я боялась, что ты не придёшь, что Сад заберёт мальчика без меня.

— Я пришла поговорить, — сказала Заря, голос её был спокойным. — Ты хочешь уйти, я знаю это, я хочу помочь тебе, но не так, как ты думаешь.

Жрица замерла и посмотрела на неё долгим взглядом, в её глазах было что-то, чего Заря не видела раньше. Она сказала, что Заря не понимает, что Сад не отпускает, что она пыталась уйти тысячу лет, что никто не смог ей помочь. Она сказала, что Яросвет — её единственная надежда, что она не отступит, что Заря не сможет её остановить.

— Ты не злая, — сказала Заря, голос её был тихим, но твёрдым. — Ты просто устала, ты боишься, ты хочешь уйти, я понимаю тебя, потому что я тоже боюсь.

— Ты не понимаешь, — ответила жрица, голос её дрогнул. — Ты не стояла здесь тысячу лет, ты не смотрела, как уходят все, кого ты любила, ты не знаешь, что это такое.

Мирон шагнул вперёд и посмотрел на жрицу, в его глазах была не злость, а жалость. Он сказал, что слышал, как она плакала, что она не злая, что она просто боится. Жрица замерла и посмотрела на него, в её глазах появились слёзы, которых она не хотела показывать. Она сказала, что он первый, кто это заметил, что она не ожидала, что ребёнок увидит то, чего не видят взрослые.

— Ты хочешь уйти, — сказала Заря, голос её был твёрдым. — Я могу тебе помочь, но не так, как ты думаешь, не ценой сына, не ценой Сада.

— Как? — спросила жрица, в её голосе была не злость, а надежда. — Сад не отпускает, я не знаю, как его заставить, я боюсь, что ты обманешь меня.

Заря сказала, что есть третий путь, что она найдёт его, что она не оставит жрицу здесь, что она даст ей слово. Жрица помолчала и посмотрела на неё долгим взглядом, в её глазах была не злость, а что-то новое. Она сказала, что есть река памяти, что в ней хранится то, что Заря забыла, что там есть ответ, что она должна вспомнить.

— Ты потеряла не только память о Радомире, — сказала жрица, голос её был тихим. — Ты потеряла то, что знала о Саде, без этого ты не сможешь его научить, не сможешь меня освободить.

— Тогда я найду это, — сказала Заря, голос её был твёрдым. — Я пойду к реке, я вспомню, я вернусь, я сдержу слово.

Жрица кивнула и исчезла, на снегу остался белый цветок, он пах лавандой, Заря подняла его и посмотрела на Мирона. Мальчик улыбнулся и сказал, что она справится, что он пойдёт с ней к реке, что он тоже хочет вспомнить. Заря обняла его и сказала, что они пойдут вместе, что они найдут ответ, что они не остановятся, пока не вернут всё, что потеряли.

Белый цветок лежал на снегу и пах лавандой, Заря смотрела на него и чувствовала, что это не конец, а начало. Она знала, что жрица не злая, а пленница, что она должна найти третий путь, что река памяти хранит ответ. Она знала, что Мирон пойдёт с ней, что он тоже хочет вспомнить, что они найдут то, что потеряли. Она знала, что Сад ждёт, что он не собирается ждать вечно, но что теперь у неё есть надежда.

Заря возвращается в город с Яросветом и решает пойти к жрице, взяв с собой Мирона, который слышит жрицу во сне. Святозар остаётся в городе и говорит с культом. У Деревы Мирон открывает трещину, Заря предлагает жрице сделку: она поможет ей уйти, если жрица поможет ей понять Сад. Жрица не верит, но Мирон говорит, что слышал, как она плакала, что она не злая. Жрица соглашается и говорит, что ответ в реке памяти, где хранится то, что Заря забыла о Саде. Она исчезает, оставив белый цветок. Заря и Мирон решают пойти к реке вместе.

Эпизод 2.5: «Трещина растёт»

«Тьма не приходит снаружи. Она происходит изнутри.»

Утром Заря вышла во двор и увидела, что белый цветок у корней завял. Лепестки поникли и пожелтели, от них пахло не лавандой, а сыростью и усталостью. Трещина на дереве пульсировала мягко и ровно, но свет был слабее, чем вчера, Заря поняла, что жрица теряет силы. Она коснулась коры и почувствовала не холод, а тепло, это тепло было слабым, как дыхание спящего человека. Она поняла, что времени у неё меньше, чем она думала.

Святозар пришёл к полудню и сказал, что говорил с Доброславом всю ночь. Кузнец сначала не слушал, а потом заплакал и согласился подождать три дня, но сказал, что если ответа не будет, он поведёт культ к Дереву. Святозар сказал, что верит Заре, но что он не может обещать, что культ будет ждать дольше. Заря кивнула и сказала, что пойдёт к реке памяти сегодня же, что она не вернётся без ответа.

Мирон ждал её у ворот с маленьким мешочком за плечами. В мешочке была пуговица от маминого платья и кусок хлеба, он сказал, что готов идти. Заря взяла его за руку, они вышли за ворота, снег скрипел под их ногами. Радомир и Ярослав стояли на крыльце и смотрели им вслед, Ярослав держал росток на руке и не плакал. Он сказал, что будет ждать, что он верит, что он не боится.

Река памяти текла в Саду, они вошли в неё через трещину, красный свет коснулся их лиц. Мирон остановился у воды и прислушался, его лицо стало бледным, потому что он услышал голоса. Голоса были тихими и слитными, как шёпот в толпе, в них было много боли и много любви. Он сказал, что слышит мать, но не узнаёт её голос, что он не понимает, что она говорит.

— Это не она, — сказала Заря, голос её был тихим и твёрдым. — Это Сад помнит её, он говорит её голосом, но это не она, ты не должен обманываться.

— Тогда почему я слышу её? — спросил Мирон, голос его дрогнул. — Почему она зовёт меня по имени, почему я чувствую её руки, почему я не могу перестать слушать?

Заря опустила руку рядом с ним и положила руку на воду, вода ответила ей теплом. Она сказала, что Сад не хочет обманывать, что он просто не умеет говорить иначе, что он запомнил мать Мирона, потому что мальчик открыл ворота и впустил его в свою память. Она сказала, что Сад не враг, а ребёнок, который не знает, как просить, который берёт, потому что его никто не научил.

Река заговорила, голос её был тихим и спокойным. Она сказала, что не даст ответ просто так, что Заря должна отдать что-то взамен. Заря спросила, что она должна отдать, река сказала, что она может отдать будущее, как в прошлый раз. Заря отказалась и сказала, что цена слишком высока, что она уже потеряла память о первой встрече с Радомиром, что она не хочет терять больше.

— Тогда отдай страх, — сказала река, голос её стал мягче. — Отдай то, что мешает тебе быть Мостом, получишь ответ, научишь Сад просить.

— Я боюсь, — ответила Заря, голос её дрогнул. — Я боюсь, что не успею, что потеряю сына, что Сад заберёт всех, кого я люблю.

— Тогда отдай этот страх, — сказала река, вода засветилась изнутри. — Отдай его мне, я покажу тебе правду.

Заря помолчала и посмотрела на Мирона, мальчик кивнул и сказал, что она может, что он с ней, что он не боится. Она закрыла глаза и сделала вдох, почувствовала, как страх уходит из неё, как вода уходит в песок. Она открыла глаза и увидела видение: первая жрица стояла у Древа, молодая и красивая, отдавала себя Саду, потому что любила. Она отдала всё, Сад принял её, но не научился просить, потому что она отдала без условий. Сад взял её любовь и не понял, что её можно просить, а не брать.

— Сад берёт, потому что не умеет просить, — сказала река, голос её был тихим и печальным. — Научи его просить, он научится отдавать, тогда он не будет голодным, тогда он отпустит жрицу.

— Как я могу его научить? — спросила Заря, голос её был твёрдым. — Я не знаю языка Сада, я не знаю, как говорить с ним.

— Ты знаешь, — сказала река, вода засветилась ярче. — Ты — Мост, ты говоришь с ним каждый день, ты просто не слушаешь, ты не веришь, что он слышит.

Заря и Мирон вернулись в город к вечеру, белый цветок у корней был завядшим, но трещина пульсировала ровнее, чем утром. Заря подошла к Дереву и положила ладонь на кору, сказала тихо, что она поняла, что она научит Сад просить, что она не оставит жрицу, что она сдержит слово. Дерево молчало, но где-то в глубине корней что-то дрогнуло, как будто оно услышало и согласилось.

Святозар подошёл к ней и сказал, что Доброслав ждёт ответа, что он не знает, сколько ещё сможет его удерживать. Заря сказала, что ответ есть, что она знает, что делать, что она не отдаст сына и не оставит жрицу.

Она сказала: Сад не враг, а ребёнок, что его нужно научить просить, что она сделает это с помощью Мирона и Яросвета. Святозар кивнул и сказал, что верит ей, что он пойдёт к Доброславу и скажет, что ответ будет.

Радомир вышел на крыльцо и обнял её, Яросвет подбежал и взял её за руку, росток на его руке светился ровно и тепло. Заря посмотрела на них и улыбнулась, сказала, что она нашла ответ, что они справятся, что Сад не будет голодным, что жрица уйдёт, что все будут жить. Она сказала это тихо, но твёрдо, в её голосе была не надежда, а уверенность.

Заря стояла у Древа с ладонью на коре и чувствовала, как трещина пульсирует ровнее, чем утром. Она знала, что жрица теряет силы и времени мало, что Сад ждёт и она должна научить его просить. Она знала, что Мирон слышит Сад, что Яросвет — Свет, Радомир рядом, Святозар верит ей. Она знала, что путь будет трудным, но что она не одна, она найдёт способ, Сад не будет голодным, жрица уйдёт, все будут жить. Она знала, что это только начало, но начало уже положено.

Белый цветок у корней завял, Заря понимает, что жрица теряет силы. Святозар сообщает, что Доброслав согласился ждать три дня. Заря и Мирон идут к реке памяти. Мирон слышит голос матери, но не узнаёт его, Заря объясняет, что это Сад помнит её. Река предлагает Заре отдать страх, а не будущее. Заря соглашается и видит видение: первая жрица отдала себя из любви, но Сад не научился просить. Река говорит, что Сад берёт, потому что не умеет просить, что Заря должна научить его. Заря возвращается и говорит Святозару, что ответ есть, что она не отдаст сына и не оставит жрицу.

Эпизод 2.6: «Урок для Сада»

«Сад не слышит слов. Он слышит дыхание.»

Утро выдалось морозным и ясным, снег искрился под ногами, как рассыпанное стекло. Белый цветок у корней всё ещё стоял поникший, лепестки его пожелтели, но трещина дышала ровно. Заря вышла во двор первой и долго смотрела на Дерево, собираясь с духом. Радомир вышел следом и взял её за руку, его ладонь была тёплой и шершавой. Яросвет уже стоял у калитки с ростком на руке и Мирон держал его за плечо.

— Я не уверен, что это работает, — сказал Радомир тихо, голос его дрогнул. — Мы не знаем, что Сад сделает, я боюсь за сына, за тебя, за всех нас.

— Я тоже боюсь, — ответила Заря, посмотрела ему в глаза. — Но река сказала, что Сад не умеет просить, что его нужно научить, я не могу не попробовать.

Они подошли к Дереву вчетвером, красный свет из трещины коснулся их лиц. Заря села у корней и положила ладони на кору, кора была тёплой, но слабой. Яросвет сел рядом и поднял руку с ростком, росток засветился мягким белым светом. Мирон встал позади и закрыл глаза, его лицо стало сосредоточенным. Радомир стоял в стороне, меч не был обнажён.

— Сад, — сказала Заря, голос её был тихим и твёрдым. — Я знаю, что ты голоден, я знаю, что ты не умеешь просить, я хочу тебя научить.

— Он не понимает, — сказал Мирон, голос его дрогнул. — Он слышит слова, но не знает, что они значат, он просто чувствует голод, он боится, что вы уйдёте.

Трещина вспыхнула красным, Яросвет вздрогнул, росток на его руке погас. Мальчик испугался и отшатнулся, слёзы выступили у него на глазах. Сад не понимал, красный свет становился ярче, Дерево застонало тихо и протяжно. Заря почувствовала, как холод сжимает горло, поняла, что нельзя просто говорить — нужно показать.

— Он не хочет брать, — сказал Мирон, голос его был тихим. — Он просто не знает, как иначе, он боится, что если не возьмёт, то останется один.

Жрица появилась у трещины, она была слабой и бледной, но в её глазах была не злость, а тревога. Она сказала, что Сад не понимает, потому что никто никогда не просил его, а только отдавал или брал. Она сказала, что первая жрица отдала себя без условий, Сад не научился просить, теперь он не знает, как это делается. Она сказала, что нужно показать ему пример, что слова здесь не помогут.

— Тогда я покажу, — сказал Радомир, шагнул вперёд, голос его был твёрдым. — Я расскажу ему, как я просил Зарю стать моей женой, как она отказала мне в первый раз, как я не перестал просить.

Он подошёл к Дереву и положил ладонь на кору, трещина перестала пульсировать. Он сказал тихо, что он просил, а не требовал, что он получил отказ, но не обиделся и просил снова, она согласилась. Сад слушал, красный свет стал мягче, Дерево перестало стонать. Радомир сказал, что просить — это не слабость, а сила, что тот, кто просит, получает больше, чем тот, кто берёт.

— Он слышит, — сказал Мирон, голос его дрогнул. — Он не понимает слов, но он чувствует, что ты не злишься, ты ждёшь, ты не уходишь.

Яросвет снова поднял руку с ростком, росток засветился, мальчик сказал тихо и твёрдо, что он просит Сад не забирать его мать, не забирать бабушку с дедушкой, не забирать Мирона. Он сказал, что он будет приходить и рассказывать истории, если Сад научится просить, он не хочет, чтобы Сад был голодным. Он сказал, что он просит, а не требует, он подождёт, сколько нужно.

Сад замер и трещина перестала дышать, на секунду показалось, что Дерево прислушивается. Потом из трещины вырвался слабый свет, он был не красным, а золотым, он коснулся ростка на руке Яросвета. Мальчик улыбнулся, слёзы высохли на его щеках, он сказал, что Сад понял. Жрица выдохнула и улыбнулась, в её глазах были слёзы, которых она не хотела скрывать.

— Он просит, — сказала жрица, голос её дрожал. — Он впервые просит, а не берёт, я не думала, что доживу до этого дня.

— Что он просит? — спросила Заря, голос её был тихим и твёрдым.

— Он просит историю, — ответила жрица, улыбка её стала шире. — Он хочет, чтобы ему рассказали сказку, он будет слушать, он не будет брать, если ему будут рассказывать.

Мирон шагнул вперёд и сказал, что он знает сказку про мальчика, который потерял мать и нашёл её в звёздах. Он сказал, что расскажет её Саду, если тот подождёт, что он не боится и хочет помочь. Сад ответил тихим золотым светом и трещина дышала ровно, белый цветок у корней начал медленно поднимать лепестки. Заря смотрела на это и чувствовала, как слёзы текут по её лицу, как Радомир подходит и обнимает её за плечи.

— Ты сделала это, — сказал Радомир тихо, голос его был тёплым. — Ты научила его просить и он слушает, он не голоден, я горжусь тобой.

— Это не я, — ответила Заря, улыбнулась сквозь слёзы. — Это он и Яросвет, Мирон, ты, жрица, мы все вместе, Сад больше не один.

Жрица подошла к ним и сказала, что она чувствует, как силы возвращаются к ней, что она, может быть, сможет уйти, если Сад научится просить всегда. Она сказала, что Сад просит

не только свет, но и память, что он хочет, чтобы ему рассказывали истории, что он будет слушать, если с ним говорить. Заря кивнула и сказала, что она будет говорить и расскажет Саду о Мире, о Вельмире, о Радомире, о Яросвете, о Мироне, что Сад научится просить, а не брать.

Трещина светилась золотым и белый цветок у корней медленно поднимал лепестки, от него пахло лавандой и мёдом. Заря стояла ладонью на коре и чувствовала, как Сад дышит ровно и спокойно и как жрица рядом улыбается, как Ярослав держит росток, как Мирон готовится рассказать сказку, как Радомир стоит рядом. Она знала, что это только первый шаг и Сад ещё многому нужно научить, но что начало положено и она не одна. Она знала, что впереди ещё много испытаний, но что Сад больше не голоден и он учится просить, это главное.

Заря, Радомир, Ярослав и Мирон идут к Дереву, чтобы научить Сад просить, а не брать. Сад сначала не понимает и вспыхивает красным, Ярослав пугается. Жрица говорит, что нужен пример, Радомир рассказывает, как он просил Зарю стать его женой и получил отказ, но не перестал просить. Ярослав снова поднимает росток и просит Сад не забирать близких в обмен на истории. Сад впервые просит — он хочет сказку. Мирон предлагает рассказать историю о мальчике, который нашёл мать в звёздах. Белый цветок начинает распускаться, жрица чувствует, что силы возвращаются.

Эпизод 2.7: «История для Сада»

«Самый трудный Мост — тот, что ведёт к собственному сердцу.»

Утро было ясным и морозным и снег лежал на ветвях Дерева, как белая шуба. Заря стояла у корней и золотой свет трещины падал на её лицо, она чувствовала, как Сад ждёт. Он просил историю и не простую сказку, а историю о ней самой, от этого у неё перехватывало дыхание. Радомир стоял рядом и держал её за руку, его ладонь была тёплой и мягкой. Ярослав прижимался к её боку и росток на его ладони светился ровно и мягко, как маленькое сердце. Мирон стоял чуть позади и смотрел на неё с пониманием, потому что он тоже потерял мать и знал, как это больно.

Жрица появилась у трещины, она была ещё слабой и бледной, но в её глазах уже не было прежней тоски. Она подошла к Заре и заговорила тихо, голос её был мягким, как шёлк.

— Расскажи ему о том, что ты потеряла, — сказала она, в её словах была не просьба, а мудрость.

— Он поймёт, потому что он тоже потерял, потому что он тоже боится остаться один. Заря кивнула и сделала медленный вдох, холодный воздух обжёг ей горло.

— Моя мать ушла в Дерево, — начала Заря, голос её дрогнул, но не сломался. — Она стояла у корней, снег падал ей на плечи, она улыбалась, я не понимала, почему она улыбается. Она сказала, что Сад не должен быть голодным, что она станет хранителем, что мы будем жить. Я держала её за руку, её пальцы были тёплыми, а потом стали светом, свет поглотил её, я осталась одна. Я плакала, я злилась, я кричала, я не понимала, почему она выбрала Сад, а не меня. Сад слушал, трещина дышала ровно, красный свет становился мягче, золотое свечение усиливалось. Заря почувствовала, как что-то в дереве дрогнуло, как будто оно узнало себя в её словах.

— Я тоже потеряла, — продолжила она, голос её стал увереннее. — Я потеряла мать, я потеряла память о первой встрече с Радомиром, я боюсь потерять сына. Но я не хочу брать, я хочу просить. Я прошу тебя, Сад, не забирать больше, а слушать, я буду рассказывать, я буду приходить, я не оставлю тебя.

Сад ответил не сразу, трещина замерла, Дерево перестало дышать. Потом из трещины вырвался поток золотого света, он был тёплым, как объятие, он коснулся Зари, Яросвета, Мирона, Радомира и жрицы. Белый цветок у корней распустился почти полностью и его лепестки засветились изнутри, от него пахло лавандой и мёдом. Но один лепесток остался чёрным, Заря заметила это и сердце её сжалось, потому что она поняла, что Сад научился не всему.

— Он просит ещё, — сказала жрица, голос её был тихим и радостным. — Он впервые просит, а не берёт, я не думала, что доживу до этого дня, я чувствую, как силы возвращаются ко мне.

Мирон шагнул вперёд, его лицо было бледным, но решительным, он сказал, что хочет рассказать Саду сказку.

— Жил был мальчик, — начал он, голос его дрожал, но он не останавливался. — У него была мама, она пекла хлеб, от неё пахло мёдом и полыньёю. Она умерла зимой, мальчик остался один, он искал её везде. Он заглядывал в колодец, в реку, в пустой дом, он не находил. Однажды ночью он вышел во двор и посмотрел на звёзды, одна звезда светила ярче других. Она была тёплой и мягкой, она пахла мёдом и полыньёю. Мальчик понял, что это она, перестал бояться. Он сказал: «Я не вернул тебя, но я знаю, что ты рядом».

Сад слушал, его свет стал теплее и трещина задышала спокойнее. Потом Сад показал Мирону образ — не настоящую мать, а ту, какой мальчик её помнил: с тёплыми руками, с улыбкой, с запахом хлеба. Мирон заплакал, но не от горя, а от облегчения.

— Я не вернул её, — сказал он тихо, — но я знаю, что она рядом.

Жрица подошла к Заре и взяла её за руку, её пальцы были холодными, но не ледяными.

— Сад готов отпустить меня, — сказала она, голос её дрогнул. — Но не сразу, не за сказку.

Он просит правду, он хочет знать, что ты не бросишь его. Заря кивнула и посмотрела на Дерево, в её глазах была не жалость, а решимость.

Святозар пришёл к Дереву к полудню, его лицо было усталым, а рука всё ещё перевязана.

— Доброслав теряет терпение, — сказал он, голос его был тихим и тревожным. — Культисты у ворот, они поют гимны, они ждут ответа, я не знаю, сколько ещё смогу их удерживать.

Сад вздрогнул, трещина вспыхнула красным, золотой свет померк.

— Он чувствует их, — сказал Мирон, голос его дрогнул. — Он боится, что они придут и заберут его, он не хочет быть один.

Заря опустилась на колени у корней и положила ладони на кору, кора была тёплой, но дрожащей.

— Я не брошу тебя, — сказала она тихо, но твёрдо. — Я расскажу тебе правду, я не уйду, я буду приходить, я не позволю им забрать тебя.

Она рассказала Саду о своём страхе — о том, что боится не справиться, что боится потерять сына, боится стать тенью, как жрица. Она рассказала, как ночами лежит без сна и слушает дыхание Радомира, как боится, что однажды он проснётся и не вспомнит её. Сад слушал, его свет становился ровнее, трещина перестала пульсировать красным.

— Он просит ещё одну историю, — сказала жрица, улыбка её была светлой. — Завтра, послезавтра, всегда.

Он хочет, чтобы ему рассказывали, он будет слушать, он не будет брать. Заря кивнула и встала, Яросвет обнял её, Радомир положил руку ей на плечо, Мирон улыбнулся.

Ночью, когда все спали, в дверь постучали. Стук был тяжёлым и настойчивым, Заря проснулась сразу, как будто ждала его. Она накинула тулуп и вышла в сени, Радомир уже стоял там с мечом в руке, но меч не был обнажён. За дверью стоял Доброслав, его лицо было бледным, а глаза — сухими и горячими.

— Я не верю Саду, — сказал он, голос его был хриплым. — Но я верю тебе. Покажи мне чудо. Или я войду сам, тогда никто не остановит культистов.

Заря посмотрела на него долгим взглядом и увидела в его глазах не злость, а горе. Она кивнула и сказала, что покажет ему чудо, но не силой, а правдой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.